

The background of the cover is a detailed illustration of a three-masted sailing ship with large, billowing red sails. The ship is on a dark blue sea with white-capped waves. In the distance, a volcanic island with a large plume of dark smoke rising from it is visible against a cloudy, overcast sky. The overall color palette is dominated by reds, blues, and greys, creating a dramatic and somewhat ominous atmosphere.

ПЛАВАНИЕ
БЕККИ ДЖОНС

КРОВАВАЯ ДВРОРА

СВЕТЛАНА ФЕДОТОВА

Светлана Федотова
Кровавая Аврора

«Автор»

2024

Федотова С.

Кровавая Аврора / С. Федотова — «Автор», 2024

После того, как извержение вулкана уничтожило страну Брессония, принцесса Ребекка Джонсуинстонская потеряла всё: дом, титул, но самое главное - отца. И для того, чтобы найти его, девушке предстоит собрать команду верных друзей и стать отчаянным капитаном Бекки Джонс. Ради возвращения отца она вступит в схватку с шайкой пиратов и командором страны Кастелья, поплывёт на мёртвом корабле из костей и мышц и откроет тайну истинного наследника, который всю жизнь был слугой.

© Федотова С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог.	5
ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО БЕККИ ДЖОНС. Глава 1. Трагедия на острове Брессон.	10
Глава 2. Кровь королей.	18
Глава 3. Начало той самой дружбы.	26
Глава 4. Команда Бекки Джонс.	30
Глава 5. Наказание для Бекки Джонс.	40
Глава 6. Сан-Ферни.	43
Глава 7. Колдунья.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Светлана Федотова

Кровавая Аврора

Пролог.

Мальчик лет десяти шёл по тускло освещённым коридорам дворца и следил за тем, как его тень перепрыгивала с одной стены на другую. Складная фигура, здоровый цвет лица, бодрый шаг и весёлая улыбка мальчика могли сбить с толку любого, потому что легко было принять этого крепкого ребёнка за сына какого-нибудь богача. Но он был всего-навсего слугой, не похожим на остальных маленьких слуг-заморышей.

Мальчик выполнял важное задание: ему надо было принести стопку чистых пелёнок для новорожденного принца. Слуга с трепетом держал их в руках, следя, как бы на пелёнках не появилось ни складочки, и еле сдерживался, чтобы не побежать вприпрыжку. Ему страсть, как хотелось посмотреть на новорожденного принца. Сейчас ему несут пелёнки, а через несколько лет он будет править страной. Эта мысль вдохновляла маленького слугу, он чувствовал своё несомненное участие в становлении будущего короля.

Мальчик шёл широким шагом, но тем не менее, не издавал почти ни звука: его ботинки были из хорошей мягкой кожи. Именно поэтому за пару метров до приоткрытой двери в королевские покои он умудрился услышать шёпот. И если бы это был ласковый голос матери или нянечки, то мальчик бы не удивился и продолжил свой путь. Но голоса казались ожесточёнными, словно кто-то злобно ругался и даже кидался проклятиями. Маленький слуга сбавил шаг и медленно, на цыпочках стал подходить к двери. Его также безумно удивило, что во всём коридоре не стояло ни единого стражника.

По обе стороны от двери, ведущей в покои, находились две огромные вазы, в несколько раз выше мальчика. Он спрятался за одной из них. И не потому, что любил подслушивать или собирать сплетни – ему это было совсем неинтересно, – но он боялся подходить к знати в таком расположении духа. Не раз мальчик видел, как служанкам давали пощёчины, а детей-слуг таскали за уши, если они попадались на глаза в неподходящий момент. Поэтому сейчас решил притаиться.

Однако хоть мальчик и не хотел подслушивать двух злобных женщин, благодаря приоткрытой двери он всё равно невольно их слышал. И настолько отчётливо, что мог разобрать каждое слово.

– ... как же я её ненавижу, и поделом ей, поделом, – продолжала ругаться женщина со стальным, будто бы её горло заржавело, голосом. – Она истекает кровью после родов и четверть часа назад была почти без сознания. Она не перенесёт. Когда из человека вытекает столько крови, у него точно нет шансов остаться в живых. А уж эта слабенькая миленькая королева уж тем более помрёт. Тварь такая. Она всегда падала в обмороки от каждой глупости, значит, здоровья в ней мало.

– Прекрати, пожалуйста, – первую женщину перебила вторая. Её голос был мягче. Если бы не тема их разговора, то можно было бы подумать, что собеседница была добродушной тётенкой. – Мне становится дурно от твоих слов. Побойся бога. Мы и так собрались совершить страшный грех, так давай хотя бы не будем сквернословить.

– Это король совершил страшный грех, когда женился на этой, – женщина со стальным голосом оступилась, словно вдруг передумала говорить бранное слово. – Взять в жёны дочь таркийского короля, который своей войной погубил наших дядю и братьев. Я понимаю, что это был династический брак ради заключения мира. Но Карлос мог через год отравить эту девку, замучить до смерти или хотя бы сдать в монастырь! А он полюбил её! Полюбил, понима-

ешь? Вместо нашей хорошенькой Алексы. А ведь она осталась сиротой из-за той самой войны. Каково ей было видеть, что её двоюродный брат, которого она всю жизнь нежно любила, отдал своё сердце дочери короля, принёсшего столько разрушений!

– Я всё равно считаю, что ребёнок в этом не виноват, – сокрушённым голосом произнесла вторая женщина.

– Не виноват? – взревела её собеседница, забыв про шёпот. Но затем исправилась и продолжила приглушённым голосом. – Этот ребёнок – плод их грязной любви. И я его уничтожу. Я сама лично уничтожу его!

– Господи, не трогай его! – донёсся отчаянный выкрик второй женщины.

Тут же послышался детский плач. У маленького слуги всё похолодело внутри. Что эта злобная женщина, как он по разговору понял, старшая сестра короля, сделала с младенцем? Но потихоньку испуг стал сходиться с мальчика, потому что из комнаты стало доноситься успокаивающее пение второй женщины. Ребёнок затих, и наступила тишина. Но ненадолго. Сестра короля продолжила:

– Нам невероятно повезло, что эта грязная королева и наша милая Алекса родили почти в одно и то же время. Её муж, этот болван граф, сейчас в разъездах по соседним странам. Но он не вернётся, на его карету нападут уже завтра.

– Господи, прости наши души грешные, – прошептала вторая женщина, будто бы крестясь.

Не обратив на эту реплику внимания, старшая сестра короля продолжала:

– А сегодня мы поменяем младенцев местами. Алексе будет трудно делать вид, что её сын умер и ещё труднее называться для своего настоящего ребёнка тётей, но она понимает, что так мы восстановим справедливость. Грязная кровь не должна осквернить наш престол своим правлением, трон никогда не займёт потомок Таркийского государства. Может быть, потом наш племянник узнает правду и будет нам безмерно благодарен. А от этого грязнокровки мы должны избавиться.

– Прошу, не говори так, – взмолилась вторая женщина. – Почему мы обязательно должны убивать его? Он же просто невинный ребёнок. Подкинем его в детский приют, например.

– Нет! – взревела сестра короля, снова забыв про шёпот. – Если мы не убьём настоящего наследника, то королевская реликвия не укажет, что наш малыш – законный король. Если умрёт сын Карлоса, то наследником сделается сын Алексы. Реликвия укажет на это, и никто ничего не заподозрит. А если этот грязнокровка останется жив, то всем всё станет известно.

Послышался слабый скрип.

– Не трогай его хотя бы сейчас, – снова взмолилась вторая женщина. – Тебе мало того, что ты собираешься сделать? Пойдём, ради бога, пойдём. Могут возникнуть подозрения, ведь мы и так надолго распустили стражу.

– Ладно, – недовольно проговорила сестра короля. – Идём за будущим принцем.

И женщины вышли за дверь. Из своего укрытия мальчик убедился, что обладательницей сурового голоса действительно была старшая сестра короля – высокая женщина, худая настолько, что острота её локтей и рёбер была видна через ткань платья. Вторая женщина оказалась младшей сестрой короля. Она была пухлой, и походка её больше подошла бы многодетной больной крестьянке, нежели знатной особе.

Завидев, как женщины вышли в коридор, мальчик вжался в стену. Он очень боялся, что его могут увидеть, сердце билось так громко, что он был уверен – звук этот эхом отскакивает от вазы впереди. Мальчик также очень старался не дотрагиваться до этой самой вазы, чтобы ненароком не уронить её. К счастью, женщины двинулись в другую сторону. Гнев, казалось, настолько застилал глаза старшей сестре короля, что она не видела не просто вазы перед собой, но и дороги, поскольку слегка шаталась, идя по коридору.

Когда они скрылись за поворотом и их голоса и цоканье каблучков стихли, мальчик, тяжело дыша от страха, метнулся к двери. Он распахнул её и влетел в покои так, что споткнулся о край ковра, упал на пол и всё же уронил чистые глаженные пелёнки. Но это уже было неважно. Маленький слуга быстро поднялся на ноги и подбежал к люльке, украшенной шёлком и бантами. Мальчику приходилось стоять на носочках, чтобы видеть сморщенного, завязанного в тугой кулёк, младенца. Он мирно спал, жмурясь, отчего складки на его лице напоминали складки на морде одной из пухленьких сопящих королевских собачек.

Мальчик, до боли закусив нижнюю губу, смотрел на новорожденного принца. И ему было больно на сердце. Этот ребёнок никогда не вырастет и не увидит маму. Он никогда не будет бегать с друзьями, у него никогда не будет игрушек, он не сможет мечтать о том, каким бородатым и мужественным он вырастет. Не попробует варенья, не набьёт первых шишек во время драки с мальчишками, не узнает, как это здорово, когда тебе, простудившемуся, мама приносит горячее молоко. Слуга слабо представлял себе, какие могут быть радости в жизни у принцев, но подозревал, что их должно быть ещё больше, чем у детей прислуги. И этого всего у него не будет. Мальчик вообразил, что было бы, если бы его, только-только родившегося, убили. Что он так бы и умер, никогда не осознав, кто он, и не увидев мир вокруг. Мальчик вдруг представил, как пелёнки, в которые был закутан младенец, пропитываются кровью. От этой мысли он вздрогнул и пошатнулся. Ему было жалко новорожденного принца. Он бы не мог дальше жить, всю жизнь зная, что почти у него на глазах убили младенца. Он бы до конца своих дней вспоминал это сморщенное личико и думал бы, каким этот ребёнок будет, когда вырастет.

– Мы с тобой ещё подружимся, – прошептал мальчик одними губами.

Он встал на цыпочки и потянулся так высоко, что у него задрожали ноги. Но слуга умудрился аккуратно вытащить младенца из люльки и крепко встал на ноги. Покачал его на руках, оценивая, насколько малыш тяжёлый, и понял, что таскал вещи намного тяжелее. Но не мог же он бежать по коридорам дворца с младенцем на руках!

Мальчик нахмурился в задумчивости. А потом радостно расплылся в улыбке. Он аккуратно, чтобы не потревожить ребёнка, нагнулся и стал подбирать с пола пелёнки. Скомкав их в неаккуратную кучу, он замотал в неё младенца. Выглядело так, будто слуга просто несёт комок грязного белья. Подавляя в себе желание подпрыгнуть от радости, мальчик медленно двинулся к двери. Медленно высунул голову в проём и оглянулся в обе стороны. Мысленно он ликовал, что в коридорах нет стражников. План злобной сестры короля сработал против неё.

Мальчик, стараясь идти своим обычным шагом и не перейти на бег, двинулся туда, откуда и пришёл. Обычно он стеснялся обращаться к богу с просьбами, но теперь вспомнил все молитвы, которые ему читала мама. Самым сильным его желанием было, чтобы младенец не заплакал.

Мальчик шёл, и всё его тело было пропитано страхом. Теперь он с ужасом отшатывался от своих собственных теней на стенах. Когда слуга вышел в коридоры, где уже стояли стражники, он надеялся, что не вызовет у них подозрений, и они потом не расскажут королю или другим о том, что он ходил туда-сюда с пелёнками. И вдруг из одной комнатки навстречу вышел старичок с длинной бородой. Это был ключник. И связки со всеми ключами висели у него на шее, как раз за густой бородой.

– Ты же только что шёл с пелёнками! – добродушно воскликнул мужичок.

– Не донёс, – дрожащим голосом проговорил мальчик. Старик принял это за досаду и испуг перед руганью. – Уронил все и помял.

– Скорее тогда, пока никто не увидел. Принесёшь новые, – поторопил его старик, пытаясь подбодрить голосом.

Мальчик натянуто улыбнулся и поспешил дальше. Он радовался, что ему встретился ключник, ведь стражники слышали их разговор и, если что, не заподозрят его в краже младенца. Он ведь, растяпа, даже не дошёл.

Уже чуть ли не теряя сознание от страха, быстрого шага и важной ноши, мальчик всё-таки добрался до деревянной лестницы, ведущей вниз, в подвалы дворца. Именно там располагались комнаты слуг. Тут никогда не ходила знать, и можно было немного расслабиться. Мальчик уже пошёл чуть более твёрдым шагом, и почувствовал, что младенец у него на руках зашевелился и стал издавать кряхтящие звуки. В этот момент мимо него по очень узкому коридору проходили две прачки. Они нахмурились и посмотрели на мальчика. Тот закашлялся, чтобы перебить слабое кряхтение ребёнка.

– Это постирать надо? – спросила одна из прачек, кивая на кучу пелёнок.

– Нет! – крикнул мальчик, испугав женщин и испугавшись сам. – Не тронь, я потом принесу.

– Ты чего это хамить вздумал, а? – спросила вторая прачка и двинулась прямо на мальчика. – Сейчас ухо откручу, потом матери твоей нажалуюсь. Ишь ты, какой!

И прачка действительно протянула свою толстую руку к уху мальчика. Но тот уклонился и проскользнул под ней.

– Простите, я не хотел! – крикнул он, оглянувшись.

Вдруг мальчик громко закашлялся и побежал вперёд по коридору. Он всеми силами пытался заглушить кряхтение проснувшегося младенца, которое в любой момент могло перейти в плач.

И ребёнок и впрямь заревел. Но мальчик уже прошмыгнул за дверь, оказавшись в крошечной комнате, половину которой занимала скрипящая кровать с толстым брусом под одной ножкой – для устойчивости. Помимо кровати в комнатке находились низкий столик и сундук.

На кровати лежала бледная женщина. Она была миловидна, с длинными пшеничными волосами, большими голубыми глазами и обычно красными губами, которые в тот момент выглядели серыми. Десятилетнему мальчику казалось, что она была взрослой тётёй, и он изумлялся, почему все, даже его мама, называли её девочкой. Он не знал, что в шестнадцать лет девушки уже приобретают свою женственную красоту, но ещё не могут считаться по-настоящему взрослыми. Зато мальчик знал, что эта красивая тётя лежит в кровати не потому, что простудилась или ещё почему-то болеет, а потому, что вчера умер её первенец. Другие служанки разрешили ей отдохнуть денёк и обещали прикрыть её, если спросят.

Когда в комнату ворвался знакомый мальчик, почему-то запыхавшийся, но, что самое странное, сопровождаемый детским плачем, девушка приподнялась на локтях. Мальчик, ничего не говоря, аккуратно положил комочек пелёнок на одеяло, в то место, где у девушки были бёдра, и резко сдёрнул все пелёнки. Увидев ревущего и извивающегося младенца, девушка ахнула и прикрыла рот ладонью. На её глазах выступили слёзы. У ребёнка были такие же голубые глаза, как и у неё.

– Я сплю? – спросила она севшим голосом.

– Это не он, – резко проговорил мальчик. – Это... короче, это новорожденный принц.

Девушка перевела взгляд на мальчика. Она смотрела на него, и по лицу было видно, что сознание вот-вот покинет её.

– Слушай, – проговорил мальчик, садясь на сундук рядом с кроватью. – Только ты можешь спасти ему жизнь. Я слышал от мамы, что у тебя от нервов может молоко пропасть. Но, может, ещё не пропало? Тогда ты его и кормить сможешь.

Девушка смутилась, и её щёки всё же приобрели румянец, словно ей стало неловко, что мальчик так открыто говорит о столь сокровенных вещах.

Она не успела ничего спросить, как маленький слуга поведал ей обо всём, что услышал возле покоев принца. Он рассказывал так эмоционально, как и чувствовал в тот момент, размахивая руками и всё время указывая на младенца, который снова стих и уснул.

Девушка до боли кусала губу, и та, как и щёки, приобрела живой цвет. Но в глазах стояли слёзы.

– Но ты понимаешь, как это опасно? – спросила она слабым голосом, глядя на младенца у себя на ногах. – Если принца хватятся? Если узнают, что он у меня?

– У тебя умер ребёнок, поэтому тебя не будут проверять. А принца... принца мы скроем! – возбуждённо воскликнул мальчик. – В любом случае, эти тётки просто подложат сына, – как там её, – Алексы, и их план удастся. А если мы не спасём принца, то его убьют. А ведь он смотри, здоровый! И на тебя похож. Через какое-то время никто и не вспомнит, что твой ребёнок умер, ведь слугам счёт особо не ведут. Поэтому бояться нам недолго. Ты же не хочешь, чтобы малыша убили? Он же ни в чём не виноват!

Вдруг девушка всхлипнула. Слезы покатались по её щекам, и она приложила руку ко рту. Она горько всхлипнула ещё пару раз, а потом взяла на руки младенца. Прижала к груди и стала качать.

– Ты же мой хороший, – шептала она, не переставая плакать. – Ты мой славный. Твоя маленькая душа попала в тело принца, но я всё равно буду твоей мамой. Сам Господь так распорядился. Спасибо.

И девушка опустила голову к младенцу, целуя его и роняя на него слёзы.

Мальчик сидел и улыбался. Он был уверен, что сделал самое хорошее дело, какое только может сделать человек. Он спас чью-то жизнь. Благодаря ему у мальчика будет мама, потом он станет ему другом, и всё будет хорошо. Переполненный гордостью, мальчик представлял себя смелым джентльменом, который, когда вырастет, будет сражаться на шпагах и спасать жизни попавших в беду людей. Молва о нём разойдётся по всем уголкам мира, о его чести и славе будут говорить люди. Но даже тогда он будет хранить тайну о своём первом подвиге, о том, что спас новорожденного принца.

Он опомнился лишь, когда успокоившаяся девушка притянула его к себе и поцеловала в макушку.

– Спасибо, – с улыбкой проговорила она. – Теперь нужно придумать, как прятать малыша. Когда будет обед, позовёшь свою маму?

– Позову! – радостно вскочил мальчик на ноги. – Клянусь, я буду для него как родной брат, нет, дядя. Или всё же брат? Я буду его всегда защищать, а он никогда не узнает, почему. Но, может быть, когда-нибудь справедливость восстановится, и я помогу ему стать законным королём!

– Нет, не надо, – девушка покачала головой. – Пускай у него будет спокойная жизнь.

Но мальчик её не слышал. Он выбежал из комнаты, радуясь своему подвигу и внезапному приключению. Тогда он ещё не знал, какие события за собой повлечёт спасение законного наследника.

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО БЕККИ ДЖОНС. Глава 1. Трагедия на острове Брессон.

Маленькая скрипучая кровать стояла прямо возле окна. Девочка, закутавшаяся в кокон из одеяла, не могла сомкнуть глаз и пристально смотрела на жгуче яркую круглую луну, которая, как казалось, светила только на неё, маленькую, испуганную, пытаясь приласкать своим сияющим лучом.

Кровать находилась в третьем ряду, если считать от стены, противоположной окну, и бог знает какой по счёту справа и слева. И это была не единственная подобная комната. В приюте жило очень много детей, и половина из них попала туда в тот же день, что и девочка, лежавшая под лунным светом. Ни одного из этих детей нельзя было назвать счастливым, каждый познал горечь потери, и их жизни сделали слишком крутой поворот, не позволяющий вернуться назад.

Девочка смотрела на луну, и та плыла из-за выступивших на глазах слёз. Вспоминались все ужасы того рокового дня. Девочка ворошила в памяти всё от начала и до конца, обжигаясь о летящие искры, возникавшие в её сознании.

Тот день начинался как самый обыкновенный день в её жизни. Утро было солнечное и обещало быть приятным, несмотря на то, что с моря дул прохладный ветерок. Такая мелочь не могла расстроить девочку, когда у её отца выдался долгожданный выходной. Никакие советники или министры не должны были беспокоить его, и король мог весь день провести со своей любимой дочуркой.

Десятилетняя принцесса с самого утра готовилась к приключениям, которые обещал ей отец. Однако она не мучила служанку выбором пышного платья и симпатичных туфель. Девочка самостоятельно натягивала на ноги кожаные штаны и удобные высокие ботинки, а наверх надевала льняную рубашу и кожаную куртку. Улыбаясь своему веснушчатому лицу в зеркале, она старательно заплетала длинные, до поясницы, каштановые густые волосы в косу. А закончив утренние приготовления, вприпрыжку побежала искать отца.

Король, высокий и крепкий мужчина с густой тёмной бородой, в свои немалые годы выглядел здоровым и сильным, словно в одиночку мог сломить небольшое войско солдат, а после этого, отряхнув свои ручки, пойти веселиться, но не в кабак, а на природу, набираясь ещё больше сил и здоровья. Он всегда улыбался, и по глазам было видно, что он добряк. Но никто и никогда бы не посмел пойти против его воли, ибо взгляд короля очень быстро делался суров, голос – резок, а кулак взмывал вверх и с грохотом опускался на стол. Однако так же, как и убедительно жёстким, он мог быть и ласковым. Но только со своей любимой дочуркой.

Они с удовольствием гуляли по дворцовому парку, выходили на конные прогулки, тренировались биться на мечах, стрелять из лука, или же мирно пили чай у себя в покоях. Но в тот день король и принцесса решили порыбачить в море.

Они сидели в лодке, и на расстоянии, достаточном для того, чтобы не мешать, но суметь защитить, со всех сторон находились корабли.

Лодка безмятежно качалась на волнах, а далёкий берег зеленел высокими соснами. Запах моря и сосен был самым любимым у Ребекки, он кружил голову и вызывал невероятное чувство восторга, самый настоящий трепет, и душа становилась беспокойной, как ветер.

– Если бы я не была принцессой, то я бы хотела быть пиратом, – мечтательно протянула девочка, копошась рукой в большом холщовом мешке. – Я бы очень хотела, чтобы моя жизнь была связана с морем.

– Нет, – покачал головой король. – Быть пиратом очень плохо. Они губят жизни, разрушают города и грабят, чтобы потратить всё на ром. Это бесчестное существование. Лучше уж быть торговцем или путешественником, который открывает новые земли.

Девочка глубоко задумалась.

– В любом случае, я была бы капитаном, – сказала она уверенно. – Меня бы все слушались, несмотря на то, что я девчонка!

– Тебя и так все будут слушаться, несмотря на то, что ты девчонка, – по-доброму хохотнул король. – Ты же принцесса.

– Но это не то! – воскликнула она. – Я же просто буду сидеть во дворце, а мне хочется бороздить моря. Да ещё и все гувернантки только и делают, что говорят о замужестве. Ну, объясни, для чего мне муж, если у меня есть ты? Сильнее и умнее папы мужчины точно не найти.

Король лишь ласково посмеивался над рассуждениями дочки. Он и не собирался ей что-либо возражать или пытаться переубедить, что замужество – это очень важно. Он знал, что его дочь умная и сама поймёт, что для неё важно, когда вырастет. Лучшее, что он мог сделать, это просто быть рядом и начать-таки рыбачить.

В лодке они провели целый час. И всё было замечательно, как всегда им хорошо отдыхалось вдвоём. Но вдруг взгляд короля привлекло нечто странное. На берегу, вдалеке, где на окраине города выростала гора, в небо поднимался серый дым.

– Мне сейчас очень хорошо и весело, но я всё равно представляю, будто мы путешественники, которые потерпели кораблекрушение и единственные кое-как спаслись на шлюпке. И что сейчас вокруг плавают акулы, но я возьму гарпун и спасу нас с тобой.

Девочка говорила без усталости, но вдруг заметила, что её отец крайне напряжён, и обернулась в сторону суши.

– Это пожар? – спросила она встревоженно, глядя на высоко поднимавшийся дым.

– Не знаю, – без прежнего веселья произнёс король. – Надо скорее возвращаться на берег.

– А мы потом дорыбачим? – тут же спросила девочка, оборачиваясь на отца. В её взгляде было сожаление. – Я так давно ждала твой выходной.

– Конечно, дорыбачим, – проговорил король. – За это можешь даже не переживать.

К ним уже на всех парусах шёл один из кораблей.

В тот день её высочество чувствовала неопишное возбуждение. Она понимала, что происходит нечто страшное, все взгляды были устремлены на столп дыма, который из серого стал чёрным и тяжёлым одеялом накрывал город. А так как их островное государство Брессония было совсем крошечным, то вся страна с ужасом наблюдала за тем, что происходило на огнедышащей горе на окраине столицы. И большинство уже понимало, что это была не гора, а вулкан. Об извержениях знали лишь понаслышке и воспринимали, как страшное чудо из других далёких стран. До того момента.

В воздухе ощущались страх и всеобщее напряжение. Принцесса, не отводя взгляда, смотрела на столп дыма из своей спальни. Она не ощущала той паники, которая охватила всех взрослых, но трепетала от волнения, вызываемого её собственными мыслями. Принцесса представляла, как она берёт в руки шпагу, выходит на улицы города на коне и призывает всех спастись. Она велит народу бежать к кораблям, но сама несётся в сторону горы. И вдруг гора разверзается, и из неё вылетает огромный огненный дракон. Он летит прямо на девочку, бесстрашно скачущую на коне со шпагой в руках. И она протыкает его прямо в сердце, спасая всех жителей Брессона от страшной кары дракона и заставляя отца улыбаться от гордости.

Но вдруг в комнату забежала взволнованная гувернантка. Она что-то торопливо сказала, но принцесса, не выкарабкавшись из своих мечтаний, не успела осознать, что именно. Опомнилась, лишь когда поняла, что её ведут за руку по коридорам дворца.

Принцессу вывели к главному входу. Там, на широченной высокой лестнице стоял король, а рядом с ним один из советников – сухощавый гладковыбритый мужчина, чьё лицо всегда носило маску сомнений.

Девочку привели в самый разгар обсуждений.

– Первыми с корабля бегут только крысы! – суровым голосом заявил король. Этот тон знали все, и никто не любил, когда его величество переходил на него. Становилось страшно. – Поэтому я никогда не взойду на корабль первым! Сначала отплывут жители страны, и только когда я смогу убедиться, что спаслись все, то отплыву и я.

– Ваше величество, – с напором возразил собеседник. – Будьте благоразумны, важнее всего для государства – защитить короля.

– А для короля важнее всего – защитить государство. Нехилый парадокс, верно? – с иронией усмехнулся король. – Значит так, я не желаю ничего слушать. Сначала спасаются жители, а лишь потом вся верхушка власти. Вы поняли меня?

– Да, ваше величество, – часто заморгав, произнёс мужчина и слегка поклонился.

– Где же они? – взволнованно спросил король и оглянулся. Лишь сейчас он заметил гувернантку с дочкой под руку. И тут же воскликнул: – Ребекка! Слушай меня внимательно.

Король присел перед ней на одно колено. Ласково погладил её тяжёлой рукой по голове и нежно улыбнулся, словно только что не говорил страшным повелительным тоном.

– Ребекка, – мягко произнёс король. – Сейчас господин Андерсон отвезёт тебя и госпожу Анну к пристани. Там вы взойдёте на корабль с другими людьми. Не забудь, ты должна оказаться на красном корабле, ты сразу его отличишь от других. Там знают, что на судне среди всех будет принцесса, и, более того, я знаю, куда отплывает именно этот корабль.

– А ты? – обеспокоенно спросила девочка. Она тут же взяла отца за руку.

– А я буду помогать жителям Брессонии спастись, – произнёс король как можно спокойнее.

– Я хочу с тобой! – воскликнула принцесса. – Мы же всегда всё делаем вместе! Ты знаешь, я сильная, смелая, я смогу тебе помочь!

– Я знаю, – кивнул король. – Но ты нужна на корабле. Там будут другие дети, и им нужно будет помочь спастись. Там твоя помощь просто необходима.

На глаза девочки навернулись слёзы. Она изо всех сил старалась подчинить себе мышцы лица, чтобы не разрыдаться.

– Но я хочу с тобой, – сквозь слёзы проговорила она и тут же всхлипнула.

Король, как думала девочка, чтобы утешить, тут же притянул её к себе и крепко-крепко обнял. Но на самом деле, он просто хотел скрыть наворачивающиеся слёзы и взять себя в руки.

– Ты ещё маленькая, – проговорил он, тяжело дыша. – Тебе нельзя со мной.

– Ты потом приплывёшь за мной? Заберёшь назад домой? – спросила Ребекка, подавив-таки порыв слёз.

– Да, – кивнул король, прижимая её ещё сильнее.

– А если я вдруг потеряюсь? – всхлипнула принцесса, вновь ощутив, как ком подходит к горлу. – Как ты меня найдёшь?

Король отстранился и посмотрел дочке прямо в её ярко-зелёные глаза. Он смотрел так внимательно, будто запоминал её лицо вплоть до каждой веснушки.

– Если ты потеряешься, я тебя обязательно найду, – проговорил король спокойно.

– А если я вырасту? – в панике спросила Ребекка. – Ты же не узнаешь меня!

Король горько усмехнулся и взял в ладонь её длинную толстую косу.

– Я всегда узнаю тебя, доченька, – проговорил он. – Во всём мире не найдётся девочки с такими красивыми волосами, как у тебя. Просто не обрезай косу, и я тебя обязательно узнаю, даже если ты вырастешь. Но не переживай. Ты не потеряешься, и я приплыву за тобой.

Ребекка с силой закусил губу. Она почувствовала, что по щекам всё же покатались горячие слёзы.

– Пожалуйста, иди на корабль, – произнёс король. – Ты спасёшь себя и поможешь другим там, в море. А я помогу здесь. Так поступают настоящие короли.

– Хорошо, – глотая слёзы, ответила Ребекка. Но, прежде чем уйти с Андерсеном, она вновь кинулась в объятия отца. Она затряслась в беззвучном рыдании. Король держался, чтобы не сделать того же, и просто поглаживал её по спине.

И когда он всё же отстранился от дочери, гувернантка взяла принцессу за руку и поспешила за Андерсеном к воротам. Девочка постоянно оглядывалась и с отчаянием смотрела на то, как спокойный с виду король провожал её взглядом.

Ребекку и гувернантку посадили в небольшую карету, особо не выделявшуюся своим изяществом. Андерсон сел на место кучера, и они в сопровождении пяти вооружённых солдат на лошадях отправились в путь.

Сначала принцесса просто смотрела в окно, но затем раздался грохот, словно где-то далеко произошёл взрыв. Окна кареты задребезжали, и земля будто бы пошла ходуном. Встревожённая, девочка отодвинула створку и выглянула в окошко. Оглянувшись назад и увидела, как дым над горой стал не просто чёрным, но и густым, как пена, его клубы уже не растворялись в воздухе, а накрывали небо, словно тучи. Что-то чёрное, словно раненые вороны, летало вокруг. И лишь потом девочка поняла, что это был пепел.

Видимо, Андерсон тоже заметил, что ситуация ухудшилась, потому что карета покати-лась быстрее. Гувернантка перегнулась через Ребекку и закрыла окно, поскольку с улицы задувало тяжёлый с мерзким запахом воздух.

Карета неслась всё быстрее и быстрее. Но вот, когда улицы сузились, а набережная стала ближе, Андерсон начал сбавлять темп. Принцесса и гувернантка тревожно огляделись по сторонам. На улице было столпотворение. Люди целыми семьями шли к морю. Женщины держали на руках детей, все были укутаны так, словно пытались унести как можно больше одежды и ценностей. Мужики взвалили на себя целые тюки с едой и предметами быта. Из-за того, что на улицах было много народу, и каждый тащил с собой огромные запасы вещей, было просто не протолкнуться. И карету никто не хотел пропускать. Все кричали и наоборот толпились прямо перед лошадьми.

Несмотря на то, что окна кареты были закрыты, внутри всё равно чувствовался неприятный запах гари. Ребекка пыталась разглядеть, что происходило впереди, не открывая окна. И вдруг заметила яркие вспышки и колыхание на ветру. В каком-то из домов, ближайших к набережной, начался пожар. Люди будто бы не замечали его и продолжали медленным шагом идти вперёд. Ребекка слышала ругань и крики, а потом заметила, как солдаты, провожавшие их карету, стали разгонять народ. Люди неохотно отходили в стороны, и карета, наконец, смогла проехать вперёд.

Но вдруг они вновь застопорились. Карета стояла прямо перед горевшим зданием. Принцесса в ужасе смотрела на языки пламени, охватившие целый дом и грозившие перекинуться на соседний, смежный с ним, и инстинктивно отодвинулась от окна. Ей очень хотелось, чтобы они уже поскорее проехали это место и оказались на набережной. Но почему-то карета стояла, как каменная.

Вдруг краем глаза принцесса заметила, как сбоку в их сторону повалилась огромная деревянная балка. Это был столб, стоявший рядом с домом, предназначения которого она не знала. Польшающий, он упал прямо перед каретой.

Принцесса взвизгнула и закрыла руками глаза. Она ощутила, как её схватила гувернантка, открыла дверь и вытянула за собой на улицу. Там было жарко, пахло гарью, а отовсюду слышались крики испуганных людей. Но самое страшное зрелище развернулось перед каретой. Перебитые горящим столбом плашмя лежали люди, на которых уже перебросилось пламя. Их одежда горела, а тела обугливались, отчего в воздухе повис неприятный резкий запах. Среди этих людей были солдаты, сопровождавшие карету. Неподвижные, они лежали, и их тела охватили языки пламени, обугливая кожу, очерняя её, сморщивая. От этого зрелища кровь стыла

в жилах, но из-за сильнейшего шока девочка не могла отвести взгляд и смотрела на горящие трупы.

Из всех сопровождающих лишь Андерсон ещё был жив и орал во всю глотку. Увидев человека, кривящегося от боли и осознающего приближения смерти, принцесса ощутила такой прилив паники, что само тело её захотело убежать. Но стоило ей сделать пару шажков назад, как ноги её подкосились, и, если бы не гувернантка, девочка бы упала наземь. Впервые она вскрикнула, как будто только осознала происходящее. Видимо, её крик привлёк внимание полуживого Андерсона. Столб придавил его ноги, и пламя неумолимо приближалось к тому месту. Мужчина тщетно пытался вытащить нижнюю часть своего тела из-под столба, но понимал, что из этого ничего не выйдет. Даже если бы он остался жив, то навсегда остался бы калеккой. Андерсон повернул лицо, искажённое болью и страхом, в сторону принцессы, и, что было мочи, заорал:

– Быстрее к кораблю! Бегите, что есть сил!

Гувернантка не раздумывала ни секунды. Она цепкой хваткой взяла принцессу за руку, повернула назад и ринулась в обратном направлении от кареты.

– Вы куда? – пища, крикнула принцесса. Она даже не ощущала, что всё её лицо блестело от слёз. – Ему нужна помощь!

– Его уже не спасти! – крикнула гувернантка, оборачиваясь, но не глядя принцессе в глаза. – Спасать нужно вас!

Принцесса пыталась выдернуть руку, но гувернантка держала её очень крепко. Да и руки и ноги девочки были ослабшими из-за сильных потрясений. И всё время, что они бежали по улице к узкому переулку, она не могла отделаться от образа вопящего от боли Андерсона. Ей казалось неправильным, что она убежала, ведь отец бы никогда не оставил человека умирать. Впервые девочка ощутила себя маленькой и незащищённой.

К морю вело несколько параллельных улочек, соединённых друг с другом узкими переулками. После того, как упавшая балка перекрыла проход, люди спохватились и ринулись назад. Сообразительная гувернантка, ведшая за собой спотыкающуюся принцессу, успела нырнуть в переулок одной из первых. После этого там началась жуткая давка. Народу хлынуло так много, что те, кто были с краю, просто-напросто оказались прижаты к зданиям.

Гувернантка выскочила из переулка и побежала по направлению к морю. Расстояние сокращалось, да и людей на этот раз было меньше. Даже девочка, почувствовав близость спасения, припустилась бежать скорее. Однако всё оказалось не так просто. Когда они подбежали к причалу, то в исступлении остановились. Перед ними возникла возбуждённая и агрессивная толпа. Гувернантка нагнулась к принцессе и обняла её, прижимая к себе. В глазах женщины был страх.

У причала стояло всего два корабля, хоть и внушительных размеров. Один из них был красный, а второй – самый обычный, некрашенный и даже чуть обшарпанный. Возле красного корабля толпилось больше всего народу. Люди были чем-то рассержены и толкали друг друга, пробираясь вперёд целой кашей малой. То, как они пытались пробраться на корабль, было чудовищно. Многие падали на землю, и их не замечали и затаптывали. Другие падали с причала в воду и никак не могли выбраться назад. Тем временем, на красный корабль никого не пускали. И судя по выкрикам и тому, что гоготала толпа, гувернантка поняла, что на борт пустили столько людей, сколько могли, осталось только подождать принцессу. И на слова о принцессе народ начинал реагировать ещё агрессивнее.

«Пока мы здесь будем подыхать, принцесса будет жить припеваючи! Бедные тоже достойны жить!» – были самые громкие лозунги.

– Пойдём, меня ждут на корабле, – тоненьким голосом проговорила принцесса, поднимаясь на носочки, чтобы гувернантка её услышала.

Но та стояла в оцепенении и качала головой. Из этого состояния её вывел лишь звук выстрела. По людям, которые кидали что-то тяжёлое в корабль, чтобы пробить в нём дыру, открыли огонь. Началась ещё большая давка с криками и предсмертным хрипом.

Гувернантка поняла, что принцессе не добраться на корабль живой. Народ разорвёт её, лишь бы не дать спастись.

Без лишних слов и раздумий гувернантка подхватила девочку на руки, словно той было не десять, а всего лишь пять лет, и поспешила ко второму кораблю, где толкучка была намного меньше.

– Вы куда? – в отчаянии выкрикнула принцесса. – Отец сказал, что я должна плыть на красном корабле! Так он меня найдёт!

– Посмотрите, что там происходит, – еле дыша, проговорила гувернантка, петляя между людьми. – Вам туда не пробраться. Вас убьют скорее, чем вы попадёте на корабль!

– Но почему? – пропищала принцесса, с горечью наблюдая, как они отдаляются от красного корабля.

Не успели они добраться до второго судна, как земля под ногами затряслась. Много, кто попадал, хватаясь за других людей и утягивая их за собой. И всё равно все обернулись в сторону горы. Пепел стал вылетать оттуда ещё большими хлопьями, а густой дым повалил так ярко, что над городом сгустились сумерки. Действительно, возникло ощущение, что наступил вечер.

Мельком гувернантка увидела, что на море уже было кораблей двадцать. Вероятно, это были те счастливицы, кому удалось спастись первыми. А остальные впали в панику, потому что им уже ничего не оставалось, как отпустить последние два корабля, хоть с пристани то и дело кричали, что из другой бухты пришлют ещё судна.

Гувернантка уже подбежала к толпе возле второго, обшарпанного корабля. Она оглянулась на крики отчаяния позади. Красный корабль, на который нужно было посадить принцессу, отплывал. Моряки уже обрубали швартовы.

– Мне нужно туда! – плаксивым голосом проговорила принцесса, изо всех сил державшаяся за шею женщины.

– Отец найдёт вас, – ответила она тут же. – Я посажу вас на корабль и побегу обратно во дворец, чтобы рассказать обо всём королю.

– Вы оставите меня?! – в панике спросила девочка и посмотрела гувернантке в лицо. – Но что я буду делать одна?

– Сейчас подберёмся к гвардейцу и скажем, кто вы такая, – спокойно заверила девочку гувернантка. Она уже двигалась сквозь толпу по направлению к мужчине в форме, стоявшему рядом с кораблём.

Но женщина не успела пробраться. До мужчины с формой оставалось обойти всего несколько рядов людей, как звонкий голос прогорланил:

– Мест на корабле нет! Принимаем только детей! Спокойно, граждане, пропустите детей!

– Нет! – замотала головой Ребекка и ещё сильнее вцепилась в гувернантку. – Не оставляйте меня! Вернёмся во дворец вместе! Отец что-нибудь придумает!

– Не придумает, – со слезами на глазах произнесла женщина. – Уже поздно.

Земля под ногами снова пошла ходуном, и на этот раз тряска продлилась дольше, чем раньше.

– Помните, – серьёзно проговорила гувернантка, глядя в лицо принцессе. – Не говорите всем подряд о том, кто вы. Найдите самого главного, и сообщите ему. Попросите встречи с губернатором города, куда попадёте. Тогда они примут меры по поиску его величества. Хорошо?

Принцесса не успела кивнуть. Гувернантка, будто бы набравшись сил, подняла её, держа подмышки. Какие-то мужчины, увидев в толпе ребёнка, схватили Ребекку и стали передавать

всё дальше. И так её перехватывало множество рук, пока ей не удалось взойти на трап и подняться на корабль.

Ребекка думала, что сейчас подбежит по палубе к борту, чтобы ещё раз увидеть гувернантку. Но на палубе оказалось столько людей, преимущественно детей и женщин, что пройти куда-либо было невозможно.

Девочка была растеряна и напугана. Она с трудом стояла на ногах, и ей казалось, что она вот-вот свалится в обморок. Время перестало существовать, она даже не осознавала, что с ней происходит, будто бы в одно мгновение стала зверьком, не знавшим, что с ним делают. Ребекка пришла в себя, лишь когда обрубил швартовы, и корабль медленно стал отплывать от пристани. На берегу стояла огромная толпа людей, кто-то что-то кричал, кто-то махал платками и лил слёзы, кто-то душераздирающе орал. На корабле начался плач, откуда-то слышались молитвы, и среди спасённых царил не атмосфера спокойствия, а наоборот, страха перед неизвестностью.

А в это время остров беспощадно накрывало чёрное тяжёлое облако. И сосны на берегу гнули свои зелёные верхушки, будто бы прощаясь с Ребеккой. Их запах, как и запах моря, уже не ощущался за серным смрадом.

До большой земли они плыли пять дней. За это время все дни и все чувства смешались в один ком. Не было осознания произошедшего, всё происходило словно во сне. Ребекка помнила только, как куталась в колючий плед и пила холодную похлёбку. Остальное растворилось из памяти, как с восходом солнца исчезает утренний туман.

Лишь к концу путешествия Ребекка вспомнила, что должна сделать. По палубе между рядами людей, готовых сойти с корабля, протискивался мужчина с огромной книгой, пером и чернильницей и записывал сведения о каждом.

– Девочка, ты с родителями или без? – спросил её этот мужчина.

– Я... – Ребекка замялась, а потом громким голосом воскликнула: – Подождите! Я должна вам сказать кое-что очень важное!

– Сейчас нет времени, – отмахнулся мужчина. – С родителями или без?

– Без, – ответила девочка и только открыла рот, чтобы что-то добавить, как мужчина указал ей на правый борт.

– Тогда скорее иди туда! – сказал он. – Там все дети без родителей. Скорее! Так вам будет проще найтись.

И мужчина стал протискиваться дальше в толпу.

Ребекке ничего не оставалось, как пробраться к большой куче жавшихся друг к другу детей.

Они прибыли в какое-то королевство. И всех «сирот», как их называли, отправили в бричках к детскому приюту. Сколько бы Ребекка ни пыталась привлечь внимание взрослых, все отвечали, что сейчас нет времени, и они выслушают её потом.

Но даже в приюте никому до неё не было дела. Очень быстро, словно рабочие на мануфактуре, няньки приняли детей, умыли, одели в лёгкие холщовые пижамы, накормили похлёбкой и разделили по общим спальням. Никто не спрашивал ни имён, ни происхождения.

И почти все дети, натерпевшиеся ужаса и пострадавшие от эмоционального напряжения, провалились в глубокий сон, как только коснулись головами подушек. Но Ребекка не могла уснуть. Она, наверное, была единственной, кто верил, что её отец жив. Принцесса знала, что он всегда сдерживал свои обещания, и помнила, с какой уверенностью он смотрел на неё, когда обещал найтись.

«Он обязательно найдёт меня, – чувствуя, как две крупные слезинки образовались в уголках глаз, думала она. – Он обещал. Гувернантка сказала, что сообщит ему, на каком корабле

я уплыла. И вообще, он сказал, что узнает меня, даже если будет искать очень долго. Главное, сказать здесь, что я принцесса, и тогда взрослые мне помогут в поисках короля».

Утешая себя этими мыслями, Ребекка пыталась уснуть. Но даже когда луна улизнула из поля зрения, девочка всё ещё лежала, не смыкая глаз. В воображении мелькали образы встречи с отцом. Как он радостный бежит к ней и крепко обнимает. Они снова будут ходить на рыбалку, болтать о всякой ерунде и тренироваться биться на мечах. Потому что, если всего этого больше не будет, Ребекка даже не представляла, как дальше жить.

Глава 2. Кровь королей.

Утром их разбудили рано. Несколько полных нянечек в одинаковых коричневых платьях из очень неудобной на вид ткани и с белыми передниками принесли девочкам платьица и башмаки. Очень неохотно дети стали выползать из-под одеял, а когда пелена сна спала, каждый оглянулся, будто бы не понимая, как оказался в этом месте. И маленькая принцесса не была исключением. Она всё никак не могла проснуться из-за бессонницы, мучившей всю ночь. И когда всё же поднялась, то увидела на прикроватной тумбочке аккуратно сложенное платье.

Ребекка скривилась. Она ненавидела платья и всегда радовалась, что отец позволял ей носить любимые кожаные штаны и жилетку. Но ничего нельзя поделать, и принцесса стала одеваться. Серо-коричневое платье чуть ниже колен было сшито из жёсткой ткани и ощущалось неприятным к телу. Ребекка могла с уверенностью сказать, что это платье до неё носила не одна девочка, потому что ткань была истёртой, во многих местах она истончилась, а где-то уже виднелись узелки, свидетельствовавшие о том, что раньше там были небольшие дырочки.

Под платье надевались серые чулки, а на ноги – чёрные ботинки, которые тоже уже носило не одно поколение. У Ребекки никогда не было обуви с таким количеством царапин и потёртостей.

Всё это – и неудобная одежда, и множество незнакомых людей вокруг – было толчком к тому, чтобы поговорить с кем-то старшим.

Она уже обошла кровать и направилась в сторону одной из няnek, как девочки, видимо по приказу, который она не слышала, стали строиться в шеренгу. И все нестройным шагом двинулись к выходу. Ребекка встроеилась в колонну и пошла со всеми. Но внутри у неё всё кричало и металось. Хотелось выскочить и куда-то побежать, заорать, что она принцесса, и ей нужна помощь. И сердце отчаянно ухало в груди. Но приходилось покорно идти среди других девочек, и беспокойство Ребекки выражалось только тем, что она не могла перестать теревить слегка великоватые рукава.

Девочек привели в огромную столовую. Ещё по пути Ребекка поняла, что здание, хоть и большое, но полностью деревянное и очень-очень старое. Полы скрипели, и половицы были истоптаны множеством поколений сирот, все двери также скрипели, а в некоторых вообще виднелись зазоры между досками. И столовая, куда их привели, была не лучше.

В центре стояло пять длинных столов с лавками. Первый стол занимали старшие девушки, следующий – старшие юноши, за третьим столом сидели девочки возраста Ребекки, чуть старше и чуть младше, а за четвёртым – мальчики тех же возрастов. Пятый стол был полностью свободен. За него и усадили всех девочек. Через какое-то время пришла такая же колонна из мальчиков, но им нашлось место и за другими столами, ибо, как заметила Ребекка, девочек и девушек было гораздо больше.

Ребята, которые уже жили в приюте, не скрывая любопытства, пытались разглядеть ново-прибывших. На них указывали вилками и что-то шептали своим соседям. Девочки бессознательно вжимали головы в плечи. За последним столом чувствовалось, будто в воздухе витал страх.

Няньки принесли еду. И пока другие девочки жадно смотрели на тарелки и чашки, которые ставили перед ними, Ребекка не спускала глаз с учительского стола. Он стоял перпендикулярно ученическим. В центре сидела очень худая женщина в закрытом чёрном платье и с волосами, убранными в тугий пучок. Губы её были опущены вниз, а маленькие глазки, будто бы стреляли в разные стороны, больно укалывая тех, на кого падал взгляд. Ещё несколько мужчин и женщин примерно её возраста сидели по обе стороны и выглядели совершенно не эмоциональными. Ощущение складывалось такое, что они проживали череду одинаковых дней, просто потому, что ещё не умерли, и даже не думали, что от жизни можно получать удовольствие.

Это всё было очень чудно для Ребекки, которая в своей жизни видела в основном изящных женщин, каждая из которых считала себя красивее других, и горделивых мужчин. И только один человек среди этих людей привлёк внимание девочки. Это был юноша, уже значительно взрослее сирот из приюта, но многим младше других учителей. У него были светлые волосы до плеч, некоторые пряди обрамляли его лицо, придавая некой дерзости. И его отличало то, что среди всех он единственный улыбался. Ребекка сразу поняла, что ей нравится этот взрослый, хоть, скорее всего, суровая женщина с пучком была главнее всех. Принцесса пообещала себе, что после завтрака сразу же постарается с ними поговорить. И также попыталась себя успокоить, что молодой мужчина точно ей поможет, даже если другие откажутся.

Ребекка волновалась так сильно, что даже не почувствовала вкуса пищи. Хотя, возможно, его у жидкой, с редкими волокнами мяса похлёбки, и не было. И, как только тарелка опустела, девочка хотела встать, но тут же откуда-то донёсся звук звоночка, и ребята за первыми четырьмя столами повскакивали со своих мест. Новоприбывшие девочки испуганно последовали их примеру.

Парни и девушки уверенным шагом двинулись к выходу из столовой. Девочки за пятым столом тоже чуть было не направились за ними, но одна из нянечек остановила их жестом.

– Подождите, юные дамы, вам предстоит пообщаться с преподавателями, – сказала она громким голосом.

У Ребекки сердце застучало ещё громче. Ей было жарко, живот крутило, а голова шла кругом. Она просто обязана сообщить о том, что она принцесса. Потом её обязательно заберут из этого противного приюта, где всё старое, начиная от одежды, заканчивая половицами.

Когда все сироты, которые уже давно жили в приюте, покинули столовую, то новоприбывших девочек и мальчиков впервые смешали и отправили на улицу. Длинная колонна из молчаливых и испуганных детей двигалась по коридорам приюта прямо к главному выходу. Там они простояли достаточно долго, потому что дверной проём был узкий, и ни о каких высоких створчатых дверях, к которым привыкла Ребекка, не шло и речи.

Наконец, все дети оказались во дворе, где их выстроили в три шеренги. Только сейчас Ребекка смогла примерно понять, в какой части света находится. И тут же у неё в голове щёлкнуло – нянечки всё время говорили на кастельском языке. Это был один из любимейших Ребеккой языков, его она учила с наибольшим удовольствием, чем остальные четыре языка, которые ей преподавали. Она даже помнила, как когда-то разговорилась с посланцем Кастельи, заставляя его рассказать, правда ли в их стране устраивают представления, на которых убивают быков. И вдруг принцесса подумала, а понимали ли другие девочки этот язык?

О том, что они находятся именно в Кастелье, свидетельствовали высокие пальмы, растущие прямо во дворе приюта и создающие приятную тень. Дети стояли, оглядываясь вокруг, и ждали. Скоро из приюта вышла женщина в чёрном платье и со строгим пучком. Она шла быстрым уверенным шагом, а за ней медленно тянулись другие учителя. Их стало меньше, и Ребекка подумала, что те, должно быть, сейчас ведут уроки у других ребят. Ведь она, ещё живя во дворце, слышала о приютах, где дети не только живут, но и учатся что-то мастерить, чтобы потом зарабатывать себе на жизнь. К счастью девочки, среди учителей был тот молодой человек, который приглянулся ей из-за добродушного вида. Из-за медленной походки можно было подумать, что он такой же подавленный, как и другие. Но на самом деле, он немного прихрамывал, и это было странно, учитывая возраст учителя. Одного взгляда на его лучистые глаза было достаточно, чтобы понять, что жизни в нём больше, чем во всех взрослых в этом приюте вместе взятых.

Ребекка без устали смотрела на него, желая, чтобы он поймал её взгляд и обратил на неё внимание. Но молодой учитель просто глядел перед собой, казалось бы, еле сдерживаясь, чтобы беззаботно не засвистеть.

И вот, когда учителя встали перед детьми, самая главная и суровая на вид женщина заговорила на чистом брессонском – языке страны Ребекки. Из-за этого у девочки снова подскокило её многострадальное сердце. Звук её родного языка казался успокоением.

– Приветствуем вас в нашем детском приюте! – звонким голосом проговорила женщина. Он не казался суровым, а наоборот, будто бы был доброжелательным. Но Ребекка чувствовала пронзительный холод, когда ловила на себе острый взгляд маленьких глаз этой странной женщины. – Мы все сочувствуем вашему горю и потерям. Но жизнь продолжается, и мы готовы взять на себя заботу о вас.

Ребекку проняла дрожь. Она не хотела, чтобы здесь заботились о её жизни, ей совершенно не хотелось оставаться в приюте. Ей нужно было найти отца.

– Меня зовут Маргарет Поло Франко, но вы должны звать меня госпожа Франко, и никак иначе. Хотя, про использование языка мы поговорим чуть позже, – продолжала госпожа Франко. Казалось, она старалась остановить взгляд на каждом ребёнке хотя бы один раз. Но это был не тот приятный зрительный контакт, который хочется устанавливать с собеседником. Это был жуткий оценивающий взгляд, зрящий в самую душу.

Госпожа Франко говорила дальше:

– Здесь вы будете жить до тех пор, пока вам не исполнится восемнадцать лет. После этого приют поможет вам устроиться в мастерские, в соответствии с вашими навыками и умениями. Для этого вы должны прилежно учиться. Девочки должны обучаться готовке, шитью и некоторым гуманитарным наукам. Мальчики будут обучаться плотничеству, гончарному делу, а также будет отдельная группа мальчиков, которых наш уважаемый Эстебан Гарсия-Фернандес будет обучать кораблестроению и искусству мореплавания. Туда попадут не все, а лишь самые крепкие здоровьем.

В тот момент добродушный учитель сделал шаг вперёд, широко улыбнулся и слегка склонил голову, здороваясь с детьми. Затем, улыбаясь, отошёл назад. «Если бы я тут осталась, я бы хотела, чтобы меня учил именно он, – подумала Ребекка. – Тем более, что я знаю корабельное дело не хуже мальчишек. Но нет, нет. Я не должна тут оставаться. Скорее бы она закончила говорить!»

– Мы попытаемся сделать так, чтобы у вас было будущее, – продолжала госпожа Франко, почему-то ухмыльнувшись уголком рта. – У нас тут есть и медицинское крыло, где вы всегда можете получить помощь.

И Маргарет Поло Франко начала рассказывать о том, как устроен их приют, как будут проходить занятия, как протекает жизнь в этом месте, и все остальные вещи, которые Ребекке были совершенно неинтересны, потому что она уже представляла, как покидает это место.

И под конец своей речи госпожа Франко заключила:

– Но вот теперь я должна сообщить вам одну прискорбную вещь. В нашем приюте вы должны будете говорить только на кастельском языке. Из преподавателей никто, кроме меня, брессонским не владеет, а я не буду бегать за каждым учеником, чтобы перевести ему ту или иную фразу. Более того, если кто-то из вас ко мне обратится на своём языке, я сделаю вид, что не понимаю. Мы находимся в королевстве Кастелья и общаться должны на кастельском. Поначалу старайтесь запоминать конкретные слова, помогайте себе жестами, спрашивайте помощи у других ребят, которые здесь родились. А чтобы ускорить ваше изучение языка, каждое воскресенье вы должны будете рассказывать наизусть мне по главе из Книги Господней. Вам выдадут небольшие молитвенники, и каждое воскресенье вы должны будете рассказать мне ту страницу или тот фрагмент из заданной главы, которую я попрошу вас выучить. Так, вы быстрее выучите язык и, помимо всего прочего, воспитаете себя духовно.

«Какие глупости она говорит! – возмущённо подумала про себя Ребекка. – Как можно выучить язык, читая текст, который не понимаешь? Бедные ребята».

– А теперь, – на выдохе проговорила госпожа Франко. – К вам подойдут наши няни и запишут ваши имена, возраст и пару слов о вашем прошлом. А я пока что удаляюсь.

И затем уже на кастельском языке добавила:

– До свидания!

Толпа детей будто бы ожила. Послышался робкий шёпот, лёгкий топот, словно они переминались с ноги на ногу, и взволнованные вздохи. Лишь Ребекка стояла неподвижно. Её сковал страх. Она понимала, что ей срочно надо переговорить с этой женщиной, но что сказать и как это преподнести, девочка не имела никакого понятия. И поэтому стояла, словно оцепеневшая и не имевшая возможности пошевелить ни пальцем. И вдруг она почувствовала какой-то импульс, словно тело само, отдельно от неё ринулось вперёд. Ребекка выскочила из ряда с возгласом:

– Подождите!

Госпожа Франко не успела удалиться и с недоумением обернулась на нарушительницу покоя. Девочка, желая наладить с суровой женщиной доверительные отношения, заговорила на кастельском языке:

– Извините! Я должна сообщить кое-что очень важное!

Женщина, видимо, изумилась тому, что девочка чисто говорила на кастельском, что даже не успела возмутиться её наглости.

– Я должна сказать, что попала сюда по ошибке, – затараторила Ребекка. – Я должна была сесть на другой корабль, где мне был бы оказан должный уход. Но там была такая жуткая толпа! Стали стрелять, корабль пытались потопить, и моя гувернантка посадила меня на ближайшее судно. Поэтому я прошу помочь мне. Я принцесса Брессонии – Ребекка Клаудия Уайт Уэсли Кэтберри Джонсуинстонская.

– Принцесса, говоришь? – спросила госпожа Франко, оглядывая девочку с ног до головы.

– Да! – выпалила та. – И я прошу помочь мне запросить аудиенцию у короля Кастельи.

– А я тогда графиня Таркийская, – ответила госпожа Франко, усмехаясь краем губ. – И завтра я отправляюсь на бал к королю, где непременно поговорю с ним о вас.

– Правда? – спросила Ребекка, чувствуя себя на грани.

– Разумеется, нет! – вдруг рявкнула госпожа Франко. – Если вам, юная барышня, вздумалось хитростью пробиться в люди, то не питайте больших надежд. Не знаю, сами вы это придумали, или вам это подсказали родители напоследок, но идея совершенно глупая. Я рекомендую встать в строй, пока вы не наговорили лишнего и не настроили меня против себя. И знайте, что использовать в своих целях смерть короля Брессонии – недостойно!

– Смерть? – дрожащим голосом спросила Ребекка. У неё затряслись ноги.

– Насколько известно, король и всё правительство остались на острове, чтобы помочь людям спастись, – резким тоном отвечала Маргарет Поло Франко. – Не буду говорить, что это совершенно глупая затея, но так и есть. А раз они там остались, то смерть из-за извержения вулкана была неизбежна.

– Но они могли успеть отплыть, – хрипло пролепетала Ребекка.

– Тогда тем более вам не имеет смысла врать, – отчеканила госпожа Франко. – Вы отнимаете моё время, барышня! Встаньте в строй, пока я не задала вам в наказание за нарушение дисциплины рассказывать наизусть две главы из Книги Господней.

– Но я же знаю кастельский! – воскликнула Ребекка в отчаянии.

– Тогда вам не составит труда выучить все три главы. До свидания, юная барышня. Встретимся с вами в воскресенье!

И госпожа Франко развернулась и быстрым шагом поспешила ко входу в приют. От одной её походки платье развевалось, словно на ветру у моря.

Ребекка обернулась к толпящимся возле нянек детям, которые называли свои имена и показывали пальцами возраст. Девочка почувствовала, как у неё зашипало в уголках глаз. Ей

хотелось упасть на траву и горько зарыдать. Но она стояла прямо, упорно не замечая покотившейся по щеке слезинки, как вдруг плывущим взглядом увидела того самого учителя с добродушным взглядом. Эстебан Гарсия-Фернандес смотрел на неё в упор и в задумчивости кусал нижнюю губу. Казалось, он сделал шаг вперёд, но в тот момент к Ребекке подошла одна из нянек.

– Имя, Фамилия, возраст, – проговорила она.

– Ребекка Клаудия Уайт Уэсли Кэтберри Джонсуинстонская, – гордо, стараясь не шмыгать носом, произнесла принцесса. – Десять лет.

Няня только занесла перо над книгой, но тут же остановилась и поморщилась.

– Будешь Бекки Джонс, – проворчала она, что-то записала и отошла в сторону.

Девочка вздохнула с облегчением и хотела было метнуться к Эстебану Гарсии-Фернандесу, чтобы попросить поддержки хотя бы у него, но не увидела ни одного учителя в округе. Все куда-то ушли.

Ребекка, с того момента раз и навсегда ставшая Бекки Джонс, почувствовала, как к горлу подступил ком, а глаза защипало от слёз.

Последующая неделя была самой трудной в жизни Бекки. Даже дни, когда она плыла на корабле, спасаясь от вулкана, не были такими тяжёлыми, потому что она просто-напросто их не помнила. А вот в приюте пришлось приспособливаться, привыкать к новому образу жизни, учиться общаться с новыми для себя людьми и как-то выживать в, как оказалось, суровом мире.

С самого начала Бекки поняла, что находиться в этом месте ей будет крайне тяжело. В первые дни девочки особо не разговаривали друг с другом, потому что пытались прийти в себя и как-то осознать произошедшее с ними горе. Потеря родителей и дома заставила их на какое-то время замкнуться в себе. Но учителя не стали ждать, пока дети свыкнутся с мыслью о своих потерях. Уроки начались на следующий же день после знакомства с Маргарет Поло Франко.

И весь день девочек учили вышивать. Их усадили в хорошо освещённую комнату с огромными окнами, каждая заняла либо скрипучий стул, либо место на длинной лавке, и получила по две катушки с нитками разных цветов, иглу и ткань, натянутую на деревянный круг. Девочки сидели и под монотонное тихое бормотание пожилой, полностью седой учительницы шили добрых шесть часов с перерывом на обед. Бекки тогда возненавидела всё: иголку, которую втыкала то вниз, то вверх, нитки, которые никак не попадали в ушко, узелки, которые завязывались криво или то и дело развязывались. Она умудрилась уколоться всего несколько раз, а бусинки крови выступили всего дважды, но пальцы всё равно болели и казались опухшими из-за долгого монотонного движения.

Бекки было скучно. Она ненавидела сидеть на месте, ей нравилось проводить время активно, двигаться, куда-то стремиться, мчаться к приключениям. А однообразное шитьё её утомляло. Она видела, что многим девочкам это дело понравилось, и они увлечённо вышивали цветочки и даже пробовали что-то новое, о чём ещё не успела пробубнить учительница. Но Бекки не могла усидеть на месте, вечно отвлекалась, елозила на неудобной лавке и порой даже не смотрела на узор, который вышивала. А в голове представлялось, как сейчас мальчишки изучают отличия разных мачт, парусов, как им показывают на маленьких корабликах, как они устроены. И ведёт у них весёлый и добрый учитель, отчего уроки становятся похожи на игру. А у неё вела нудная старуха, голос которой звучал так монотонно и тихо, что Бекки несколько раз едва не уронила голову на грудь. А слушать учительницу даже через силу было невозможно, потому что едва ли можно было понять логическую цепочку её рассуждений, которые перепрыгивали с одной мысли на другую. И то, для кого она говорила, если из девочек никто, кроме одной, не знал кастельский язык?

Нет, Бекки точно не хотела провести так следующие восемь лет своей жизни. Если бы она занялась корабельным делом, то ей, во-первых, это бы нравилось, а, во-вторых, она бы смогла уплыть на поиски отца.

Как только эта мысль созрела в голове, Бекки так и подскочила на месте, словно её ткнули иглой. Найти отца! Ведь если ей никто не поверит, что она принцесса, то она обречена жить в приюте. Что, если отец будет искать её повсюду, но не подумает об этом злачном месте? Тогда не найдёт дочь никогда. Но она, она сможет оплыть весь белый свет, лишь бы найти его.

Бекки снова почувствовала, что ей хочется куда-то бежать и что-то делать. Она просто обязана была проговорить с госпожой Франко и упротить перевести её в группу к мальчикам.

Это и занимало мысли принцессы всю неделю, пока она ждала воскресенья – единственного дня, когда она могла встретиться с Маргарет Поло Франко.

Но к этой встрече предстояло ещё подготовиться.

Через пару дней девочки стали мало-помалу знакомиться. В основном, они вели разговоры в спальне. А уж когда няньки принесли им Книги Господни, то это вызвало бурные обсуждения. Все злились и негодовали, как можно выучить незнакомый язык по книге, которую даже прочитать не можешь? И вот тогда Бекки почувствовала, что может всех спасти. Она с быстротой кошки запрыгнула на прикроватную тумбочку, встала ровно, уперев руки в бока, и громко провозгласила:

– Я знаю кастельский!

Тогда все девочки собрались толпой вокруг её кровати и стали слушать.

Бекки сидела в позе лотоса, держа книжку на коленях, и читала вслух, медленно и громко. Девочки полусёпотом повторяли за ней, глядя в свои книги и таким образом, запоминая, как читаются слова, и как они произносятся. Смысла пока никто, конечно же, не понимал. Его Бекки рассказала вкратце, спустя пару часов, когда первая глава была медленно, но верно дочитана.

В Книге Господней было написано о том, что исконно в мире существовали бог и дьявол, которые были полными противоположностями, но не могли существовать друг без друга. Бог был воплощением добра, а дьявол – зла. И создали они когда-то по своему подобию людей, в которых смешались добро и зло, и расстелили перед людьми дороги судеб, по которым те могли ступать, опираясь либо на добро, либо на зло, выбирая самостоятельно.

Однако, чтобы люди не жили в беспорядках, над ними бог поставил королей. С того момента считалось, что короли происходят от бога, и власть их не свергаема. И кровь королей обладает магической силой, о которой знают не все, чтобы не использовать её в своих целях.

Пересказав это всё, Бекки вдруг поняла, что многого о себе не знала. Тут же захотелось расспросить отца о том, правда ли, что кровь их обладает магической силой, или это всё сказки? А если обладает, то какой? Может быть, она сможет повелевать морем или ветром? Только отца не было рядом, чтобы ответить на все вопросы, а кому-либо другому поверить Бекки не смогла бы.

Из глубоких размышлений её вырвали девочки, которые прослушали рассказ из Книги Господней.

– Откуда ты знаешь кастельский? – спросила одна из них, та, которая занимала соседнюю с Бекки кровать, светловолосая хорошенькая Луиза. Её губы были сомкнуты, а тонкие прозрачные брови сдвинуты к переносице. Вид она имела самодовольный.

– Меня ему учили с детства, – честно ответила Бекки, наматывая кончик косы на палец. Она очень устала и чувствовала, что её голове нужен был отдых.

– С детства? – изумилась одна из девочек, сидевших на кровати Луизы. – А откуда твои родители его знали? Они были торговцами? Или, может быть, твой папа был путешественник?

– Не-а, – покачала Бекки головой. – Вы ни за что не угадаете.

Она выдержала эффектную паузу, а затем выправила плечи и, глядя то на одну девочку, то на другую, то на всех сразу, произнесла:

– Я принцесса Брессонии. И моё полное имя – Ребекка Клаудия Уайт Уэсли Кэтберри Джонсуинстонская, хотя тут меня назвали просто Бекки Джонс.

– Принцесса? – недоверчиво морщась, спросила Луиза. – Этого не может быть. Принцессу ждали на красном корабле, из-за чего его чуть не потопили. Он же и отплыл без неё.

– Да, я тоже видела, – подтвердила другая девочка.

– И вообще, как могла принцесса попасть на корабль без охраны? И тем более, без платья!

– Да, все принцессы носят великолепные платья, – закивали девочки вокруг кровати. – Если бы на корабль попала принцесса, её бы сразу заметили.

Бекки закусила губу от волнения. Она не знала, что и возразить. Она пыталась придумать какой-нибудь убедительный ответ, но в голову совершенно ничего не шло.

– Да и к тому же, – коварно улыбаясь уголком губ, продолжила Луиза. – Ты сама нам только что прочитала о том, что короли обладают божественной силой. Если ты взаправду принцесса, докажи нам это, покажи, на какие чудеса способна.

Бекки нахмурилась. Она никогда не сталкивалась с тем, что ей не верили или пытались заставить что-то доказать. Тем более, она никогда не сталкивалась с тем, что её могут не любить, поэтому поведение Луизы оказало на неё ошеломляющий эффект. Бекки растерялась и смогла лишь сказать правду:

– До сегодняшнего дня я не знала о том, что королевская кровь – волшебная. Я знала про бога, потому что каждую зиму мы с отцом молились ему, а потом мне дарили подарки, но отец никогда не рассказывал, что мы как-то связаны с этим богом. Либо госпожа Франко нам дала какую-то не ту книгу, либо... я не знаю. Когда отец приплывёт за мной, я обязательно у него спрошу.

– Если он приплывёт за тобой, то он уже не будет королём, а ты принцессой, – пожалала плечами Луиза. – Вулкан, скорее всего, уничтожил всё.

Девочки в напряжении молчали и лишь переводили взгляды с Луизы на Бекки. Последняя уже не знала, что и говорить. Она была загнана в тупик, ей никогда не приходилось спорить и кому-то что-то доказывать. Девочка росла в слишком чистом и светлом мире, чтобы вообще понять, что Луиза просто не смогла вынести того, что не она находится в центре внимания, а помогающая всем Бекки Джонс вот-вот станет любимицей публики. Поэтому принцесса чувствовала себя глупой и просто пыталась что-то промямлить.

– У короля больше не будет страны, чтобы в ней править, – продолжала Луиза. – Так что я вообще не понимаю, зачем ты стараешься убедить всех в том, что ты принцесса. Ты прости, но мне кажется, что ты врешь. Как принцесса может не знать о том, что её кровь магическая? И уж тем более, как могло получиться, что ты попала не на красный корабль.

– Это была ошибка... Андерсон умер... Там была толкучка, – Бекки пыталась связать свои мысли, но подступающий к горлу ком не позволял ей говорить связно.

– К тому же, ты можешь вырасти, пока отец будет тебя искать, и он тебя не узнает, – продолжала нагонять Луиза.

– Он сказал, что всегда узнает меня! – воскликнула Бекки, а затем вспомнила слова отца. – Сказал только не срезать мою косу, по ней он меня отличит из тысячи!

– В любом случае, мне тебя жаль, – сделав сострадательное лицо, проговорила Луиза. – Больше не будем об этом, хорошо?

И она сладко улыбнулась и протянула ладонь для рукопожатия. Бекки стиснул зубы и посмотрела на руку Луизы, как на копошащихся в гнилье мух.

– Мой отец хотя бы жив и заберёт меня, в отличие от твоих родителей, – буркнула принцесса.

Луиза тут же отдернула руку, и из её округлившихся глаз побежали слёзы. Девочки тут же подбежали к ней, стали гладить по голове и говорить утешающие слова. Луиза твердила, что ничего страшного не произошло, что она не держит зла, и ей просто нужно отдохнуть. Девочки стали расходиться по своим кроватям, бросая на Бекки взгляды, полные презрения.

Бекки же не могла объяснить, почему, но она была уверена, что Луиза устроила какой-то спектакль. Возможно, она заметила недобрый блеск в глазах своей соседки, но ей вмиг расхотелось плакать. Бекки завернулась в кокон из одеяла и пол ночи представляла, как отец увозит её из приюта, а ей с завистью смотрят вслед.

И только перед тем, как провалиться в сон, она вообразила, что побеждает Луизу колдовством. Какой же силой обладает её кровь?

Глава 3. Начало той самой дружбы.

Однако до момента, как ребятам, попавшим в приют после катастрофы, предстояло рассказать фрагменты из книги Господней, произошло кое-что ещё. И это кардинально изменило жизнь Бекки Джонс.

Она просто шла по коридору и случайно увидела, как Луиза обронила свои швейные принадлежности. Ткани упали на пол, клубок покотился в сторону. И тут же к ней подбежал какой-то мальчик с растрёпанными чёрными волосами и помог всё поднять. Он быстро убежал, лишь мимолётно посмотрев на девочку и наверняка не запомнив, кому помог. А вот Луиза ещё долго провожала его взглядом, пока не развернулась и не наткнулась на Бекки. Та сделала вид, что ничего не видела, и пошла дальше, спиной чувствуя на себе взгляд.

Чего Бекки не ожидала, так этого того, что Луиза перед обедом схватит её за руку и уведёт за угол. Сначала принцесса думала, что её будут бить, и уже приготовила кулаки, но вместо этого последовала странная просьба:

– Научи меня знакомиться на кастельском. Переведи вопросы: как тебя зовут? сколько тебе лет? И так далее.

– То есть, ты называешь меня лгуньей, а я должна тебе помогать? – справедливо заметила Бекки.

– А ты знаешь, что я могу сделать так, что девочки тебя замечать перестанут, а кто-то даже начнёт ненавидеть? Ты станешь изгоем, и все просто будут смеяться над тобой. Тебе лучше помочь мне, чтобы не враждовать.

Бекки хотелось ударить Луизу, но она была воспитана своим отцом. А отец всегда настаивал, что нужно сначала подумать над последствиями, а только потом принимать решения и действовать. Бекки поняла, что драка лишь приведёт к тому, что госпожа Франко, которая и так ненавидит принцессу, совсем сотрёт её в порошок. Поэтому ответила спокойно:

– Я готова была тебе помочь и просто так, без каких-либо угроз. Но теперь сделаю это только, если ты извинишься.

– Мне не за что извиняться, Бекки Джонс. Или ты корону забыла снять?

– Значит, тебе не суждено познакомиться с твоим черноволосым помощником, – пожалала плечами Бекки и ушла. Ей было безразлично, что Луиза ей угрожает, терять достоинства она не собиралась.

Но через пару дней, когда Бекки ходила туда-сюда по коридору и учила Книгу Господню, она снова стала свидетельницей событий. Ничего совершенно не лезло в голову, язык, которым книга была написана, точно не предназначался для детей, а скорее для тех, кто страдал бессонницей. Поэтому, когда у окна остановилась компания парней, Бекки подслушала их неосознанно, больше из-за того, что хотелось отвлечься. Их разговор поразил девочку. Оказалось, что их друг, предводитель компании, попался, пока бродил ночью по коридорам. Его прямо за ухо поймала госпожа Франко, и теперь его будет ждать наказание. При этом Пако, так звали нарушителя, не признавался, почему решил нарушить правило приюта и пойти гулять по коридорам.

Бекки настолько заслушалась, что, сама того не замечая, подошла к ребятам. Те затихли, пренебрежительно посмотрели на неё и молча ушли. После этой истории желание учить Книгу Господню пропало окончательно.

А за обедом Бекки увидела того самого Пако, о котором шла речь.

Сначала во всей столовой слышались разговоры, зал гудел из-за того, что ребята переговаривались между собой. Слышался стук ложек о тарелки и кружки, которые ставились на столы. И вдруг всё это смолкло.

Бекки с замершим сердцем обернулась в сторону двери. В столовую зашла госпожа Франко, прямая, как отвесная скала. За ней, понутив голову, шёл тот самый мальчик, который помог Луизе поднять ткани. Он с силой сжимал челюсти и не поднимал голову, но при этом иногда оглядывался влево-вправо и стыдливо опускал взгляд себе под ноги. Мальчик походил на заключённого разбойника.

Госпожа Франко встала перед учительским столом, а затем взяла Пако за предплечье и с силой дёрнула на себя. В столовой до сих пор было тихо, как ночью в спальнях. Бекки старалась не ёрзать, потому что была уверена, что любой шорох привлечёт внимание. Она заметила, как Эстебан Гарсия-Фернандес чуть приподнялся со стула и смотрел на Пако не верящим взглядом.

– Прошу вашего внимания, юные дамы и господа, – жёстким голосом произнесла Франко, не выражая никаких эмоций. Ни злости, ни самодовольства, лишь безжалостная холодность виднелась во взгляде. – Сегодня ночью Пако Гонсалес нарушил правила приюта. Посреди ночи он был обнаружен в Священной комнате, где ученики духовно возносятся к богу, рассказывая Книгу Господню. Пако Гонсалес не просто нарушил комендантский час, но его можно обвинить и в богохульстве. За это Пако Гонсалес должен понести наказание, чтобы оно принесло ему духовное очищение. Сегодня он воздержится от ужина и проведёт всю ночь в подвале, а обед ему предстоит отведать после того, как он постоит с Книгой Господней в руках коленями на сухой крупе.

Пако не двигался и стоял прямо. Он поднял голову и гордо смотрел на ребят, которые бросали на него сочувственные взгляды. Бекки содрогнулась, когда Пако задрал штаны и сел худощавыми голыми коленками на острые кусочки сухой крупы. Он не елозил, не морщился, а с достоинством держал в руках Книгу Господню, пробегая глазами по строчкам.

«Бедный», – слышались шепотки. И Бекки передёргивало. А хуже всего то, что Пако не был ни в чём виноват. Он никому не причинил вреда, ничего не сломал и никого не обидел. Просто нарушил какое-то глупое правило, выдуманное Франко. Она, к слову, иногда поглядывала на Пако, и что-то острое блестело в её глазах. Бекки поняла в тот момент, что холодность – лишь маска, и в душе директриса ликует над своим превосходством.

У девочек было ещё немного времени перед уроками рисования, которые начинались после обеда. Бекки снова ходила по пресловутым коридорам, уже давящим на неё и раздражавшим своей серостью и однообразием. В одном из таких коридоров находилась лестница, веущая на чердак с закрытой дверью, поэтому по той лестнице никто не ходил. Бекки бродила туда-сюда, думая о несчастном Пако и о своём закончившемся счастливым детстве во дворце. Если бы только отец видел, какие ужасы творятся в месте, где оказалась его дочь! Да он бы пришёл в ужас! Когда он приплывёт за ней, Бекки обязательно попросит его помочь всем детям в приюте. Кроме, может быть, Луизы.

И вдруг по какому-то невероятному велению судьбы в коридоре появилась Луиза во главе целой компании девочек, которых Бекки несколько дней назад учила читать на кастильском. Все они выглядели угрожающе, закатывали рукава, а у некоторых с собой были палки. Луиза скрестила руки на груди и злодейски ухмыльнулась.

– Ну, что, Бекки Джонс? Готова ответить за все свои слова?

Бекки старалась ничем не выдавать свой испуг. Напротив, она приняла самый уверенный вид, надеясь, что у неё получится притворяться. Девочки тем временем медленно наступали.

– Ты не боишься, что госпожа Франко обо всём узнает и вас тоже запрет в подвале? – спросила Бекки, заставляя себя стоять на месте, а не пятиться к лестнице. Даже в неравную битву она хотела вступить с достоинством.

– Уж тебе Франко точно не поверит, – самодовольно усмехнулась Луиза. – А мы скажем, что ты навернулась с лестницы. Вперёд, девочки.

И её подружки двинулись на Бекки, многие из них подняли палки, у одной откуда-то взялся ремень. Бекки сжала кулаки и встала в стойку, как учил отец при рукопашном бое.

Но вдруг девочки остановились. Бекки подумала, что те надеялись, будто она убежит, а никак не рассчитывали на драку. Но их взгляды устремились на лестницу. Бекки обернулась и увидела на ней Пако. Он просто стоял и смотрел, а потом резко топнул ногой, будто хотел согнать кошку. Девочки обернулись в сторону своей предводительницы. Луиза во все глаза смотрела на Пако и, казалось, готова упасть в обморок.

– Я тебя помню, – обратился Пако к ней.

Луиза, вероятно, не поняла ни слова на кастельском, но наверняка увидела узнавание в лице мальчика.

– Уходим, – скомандовала она.

Девочки сначала хотели возмутиться, но, когда увидели, что их предводительница уносит ноги, то трусили и помчались за ней, как драные кошки.

Бекки осталась на месте. С одной стороны, она была благодарна Пако, но с другой стороны ей было очень стыдно за то, что он увидел её в положении жертвы. Лучше уж было защищаться самой. Но Пако первый нарушил молчание.

– Тупые девчонки, – произнёс он на кастельском, будто говоря сам с собой.

– Все? – тоже на кастельском спросила Бекки. Ей стало ещё более неловко.

Изумление Пако ярко отобразилось у него на лице. Он посмотрел на Бекки так, словно та стала полупрозрачной, как приведение.

– Ты меня понимаешь? – спросил он, будто ещё надеялся на то, что ответ будет отрицательным.

– Я знаю пять языков, в том числе и кастельский, – едва сдерживая улыбку, ответила Бекки.

– Вот чёрт, – выругался Пако и уселся на ступеньки. Его стало не видно из-за перил.

Бекки сначала не была уверена, стоит ли ей продолжать беседу, но Пако показался ей очень милым. Поэтому она подошла к нему и встала прямо перед ступенькой, на которой он сидел.

– Меня зовут Бекки Джонс, – представилась она и протянула руку. Это вышло по привычке, ведь во дворце дамы протягивали кавалерам руку для поцелуя. А Пако взял и пожал её, крепко, по-дружески. И от этого жеста сердце Бекки замерло сильнее, чем если бы ей поцеловали ручку.

– А моё имя знает весь приют, – горько усмехнулся он и отвёл взгляд. Пако выглядел в тот момент, как взрослый потрепанный жизнью мужчина. Настоящий преступник, осуждённый за серьёзное деяние, но при этом – галантный человек чести. Это взбудоражило сознание Бекки, и она села рядом на ступеньку.

– Мне жаль, что так произошло, – сочувственно произнесла она. – Франко – просто сумасшедшая старуха.

– Откуда ты знаешь пять языков? – спросил Пако так, словно хотел перевести тему. И Бекки это обрадовало. Наконец-то она может с кем-то пообщаться и подружиться!

– Меня учил мой отец, он был... – но она осеклась. Ей больше не хотелось говорить о том, что она принцесса. Если и Пако начнёт над ней смеяться, она этого просто не переживёт. – Он был моряком. Мы с ним любили ходить в открытое море, он учил меня управлять судном, я знаю все части корабля, все мачты и даже за штурвалом стояла.

Последнее было правдой.

– Ого! – восхищённо воскликнул Пако. – Почему ты не учишься с нами у Эстебана?

– Это у того учителя, что хромает?

– Да. У него травма, но он не рассказывает, как её получил. При этом он добрый, нам всем почти родной. Мне кажется, ты могла бы обучаться корабельному делу с нами!

– Я девочка, – грустно пожала плечами Бекки.

– Баба на корабле, конечно, к беде, но мне кажется, к тебе это не относится, – выпалил Пако.

Обоих эти слова смутили, и снова повисло молчание. Бекки больше не чувствовала неловкости, к тому же её терзало любопытство, поэтому она всё же спросила:

– Почему ты бродил по коридору ночью? Ещё и в священный кабинет зашёл! Не просто же так! Ты не похож на дурака, который творит глупости ради забавы. Что-то случилось?

Пако тяжело вздохнул. Казалось, в нём шла жестокая борьба, одна его часть не хотела говорить правду, но также хотелось кому-то высказаться. Бекки затаила дыхание в ожидании.

– Я никому не говорил, даже своим друзьям из компании, – медленно проговорил Пако. Бекки тут же вспомнила его друзей, которых видела в коридоре и от которых впервые услышала о произошедшем. – Надеюсь, ты умеешь хранить секреты.

– Чужие даже лучше своих, – улыбнулась Бекки. Пако усмехнулся.

– Я... – он в последний раз задумался, стоит ли говорить. – Я потерял кулон с портретом моей матери и пошёл его искать сразу, как обнаружил пропажу. И Франко об этом узнать не должна, потому что она отнимет кулон, я знаю. Она отбирает все вещи у детей и обещает отдать при выпуске или при усыновлении. Но я в это не верю. Да и портрет матери мне нужен каждый день.

Губы Пако задрожали, и он отвернулся.

– Хочешь... – Бекки замялась, но заставила себя договорить. – Хочешь, я помогу тебе его найти?

Пако лишь быстро покачал головой. Его плечи слегка вздрагивали, он не поворачивал головы.

Бекки хотела сказать что-то ещё, но из главного холла за углом раздался звонок, оповещающий о начале занятий. Надо было бежать, иначе ждало наказание.

– Иди, – поторопил её Пако, так и не обернувшись.

– А ты?

– Я уже наказан. Иди, Бекки.

Она встала и неохотно двинулась в сторону холла. Но у поворота остановилась и произнесла:

– Надеюсь, мы ещё увидимся.

Пако не ответил.

Глава 4. Команда Бекки Джонс.

За ужином госпожа Франко устроила тот же спектакль, что и за завтраком. Она прилюдно отчитывала Пако, державшегося ровно и не дававшего слабину. На этот раз внимание детей было слабее, потому что им уже было неинтересно слушать одну и ту же новость несколько раз. И вот, когда госпожа Франко насладились позором Пако, она самолично повела его в подвал. И, когда директриса ушла из столовой, все облегчённо выдохнули. Теперь можно было нормально поесть.

Бекки воспользовалась тем, что все, даже учителя, были заняты трапезой и, пригибаясь, встала со своего места. Стараясь быть незаметной, она пошла к столу, где сидели мальчики. Те, кто замечал Бекки, косились на неё, но ничего не говорили. Она смогла добраться до ребят, которых уже однажды видела в коридоре. Это, должно быть, и была команда Пако.

Когда девочка подошла, ребята вели себя так, будто с их другом только что ничего не произошло.

– Почему мне досталась горбушка? – возмутился один из близнецов. Его отличала от брата чёрная родинка над губой. – Её жевать невозможно, я хочу нормальный кусок.

– Ешь, что досталось, – фыркнул на него брат.

– Это нечестно, – продолжал близнец с родинкой. – Тебе достался хороший кусок, а я должен есть гадкую горбушку.

– Что ты от меня хочешь?

– Чтобы ты отломил мне половину своего куска, а я тебе дам половину моей горбушки.

Так, мы съедим всё одинаково, – предложил близнец с родинкой, наклоняясь к брату.

– Отстань, а? – возмутился тот. – Ноешь, как маленький.

– Если бы тебе попалась горбушка, я бы посмотрел, какую бы ты тут истерику закатил. Ладно, ладно, я запомнил. Я с тобой больше ничем делиться не буду.

– Да держи ты уже, надоел! – воскликнул второй близнец, отламывая кусок от своего хлеба.

Его голодный брат тут же просиял. Он беспрестанно разбрасывался благодарностями, пока отламывал кусок от своей горбушки. Надо сказать, что для себя он отломил часть побольше.

– Ребята, – вдруг раздался девичий голос, и Бекки села прямо напротив близнецов. – Вы же друзья Пако, правильно?

– Ну, допустим, – ответил один из близнецов, которого отличала небольшая родинка над губой.

– Меня зовут Бекки Джонс, – представилась она. Повисло молчание, девочка ждала, когда все тоже представятся. Видимо, никто не хотел с ней общаться.

Но близнец с родинкой закатил глаза и всё же произнёс:

– Я Декстер.

– Синистр, – сказал его брат.

По левую руку от неё сидел полненький мальчик, Бернارد, а по правую руку – худой мальчик с прямой осанкой и рыжими волосами, Мигель. Они тоже представились с явным недовольством.

– Зачем ты сюда пришла? – нахмурился Дек.

– Я пришла к вам с серьёзным делом, – проговорила Бекки заговорщически, чтобы вызвать в ребятах интерес. – Мы должны помочь ему!

– Кому? – не понял Бернارد, немного отодвигаясь в сторону, будто ему было неприятно сидеть рядом с Бекки.

– Пако! – воскликнула девочка, возмущённая тем, что друзья мальчика даже и не думают о нём.

– Зачем ему помогать? – удивился Мигель. – Отсидит ночь в подвале, потом его отпустят. Его же не в рабство сдали.

– Вот именно, – хохотнул Синистр.

– Но он же в подвале, совершенно один, голодный после целого дня, – возразила Бекки. Она представила себя на месте Пако, и ей сделалось дурно. Она была бы рада, чтобы ей помогли даже не из-за еды, а из-за дружеской поддержки в минуту отчаяния.

– Думал бы об этом, когда ночью ходил по приюту, – серьёзным голосом, будто взрослый, проговорил Мигель. – Что его чёрт дёрнул правила нарушать?

– Он... хотел найти то, что потерял, – неуверенно проговорила Бекки.

– А ты откуда знаешь? – нахмурился Бернад. Ему вдруг стало интересно, когда это девочка успела познакомиться с Пако.

Бекки замялась.

– Мы с ним подружился! – ответила она, скрепя руки на груди.

И вдруг мальчик, сидевший рядом с Декстером и Синистром, закричал так, что на него обернулось несколько ребят:

– Бекки Джонс влюбилась в Пако! Бекки Джонс влюбилась в Пако!

Бекки со злобой посмотрела на мальчика с тёмными кудрявыми волосами, которые были спутаны настолько сильно, что проще обрезать, чем расчесать. У него был на удивление широкий рот, отчего улыбка растягивалась на половину лица.

– Бекки влюбилась в Пако! – не унимался он.

– Господи, Тео! – закатил глаза один из близнецов.

– Заткнись, Тео! – злобно воскликнула Бекки, уже вся красная от смущения.

– Значит, я прав! Значит, я прав! – ещё веселее закричал Тео.

– Не ори, – ткнул его под рёбра Синистр. – Твои вопли меня раздражают.

Это совершенно не смутило Тео. Он сидел и напевал: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

– Итак, – бойко продолжила Бекки, больше не обращая на Тео внимания. – Я предлагаю вот, что. Мы все спрячем за ужином немного еды. Потом, после отбоя, встретимся где-нибудь в коридоре и вместе пойдём в подвал, чтобы отнести ужин Пако. Вы согласны?

– Да ты сдурела! – в голос воскликнули Дек и Син.

– Нет, это сумасшествие, – протянула Бернад. – Да, и зачем нам это? Нас за такое точно не похвалят.

– Бернад прав, – снова серьёзным взрослым тоном проговорил Мигель. – Это бессмысленно. У нас нет причин так рисковать, чтобы потом всей компанией сидеть в подвале без ужина.

– Без ужина! – с ужасом воскликнул Декстер. – Да я не переживу этого!

– Тебе лучше уйти, Бекки Джонс, – сказал Синистр.

– Бекки любит Пако! – кричал Тео и качался из стороны в сторону.

Рядом с Тео сидел мальчишка, на вид самый маленький. На его ангельском личике все черты были маленькими, как у фарфоровой куклы, он был славным и милым. Он смотрел на Тео, и с его розовых губ не сходила улыбка, будто он смеялся всегда, когда смеялся его друг. Иногда Тео оборачивался к нему и трепал по лохматым абсолютно белым волосам. Такие же белые, почти невидимые, были ресницы и брови мальчика.

– Ты тоже думаешь, что у Пако появилась невеста? – спросил Тео у мальчика.

Тот широко кивнул и бесшумно засмеялся. Мальчик был немым.

– Какие же вы всё-таки идиоты, – не выдержала Бекки. Она почти никогда не говорила никаких ругательных слов, но теперь её терпение кончилось. – Вы не моряки, а... трюмные крысы!

– Э-э, попрошу, – оскорблённо протянул Дек.

– За такое и в лицо дать можно, – согласился Син. – И не посмотрим на то, что ты девчонка.

– Вот именно, что я девчонка, – проговорила она, вставая. Поддержки тут ждать было бесполезно. – Слабая девчонка, а смелее вас. Ночью я принесу Пако покушать, а потом пойду искать его кулон.

– Какой кулон? – вдруг спросил Бернارد

Бекки поняла, что проболталась. Оставалось надеяться, что мальчишки не поняли, о каком кулоне речь. Поэтому Бекки не ответила, а лишь развернулась и ушла к столу для девочек.

За ужином Бекки умудрилась спрятать в карман яблоко, несколько кусочков хлеба и завернуть в свой чистый носовой платок половину сухой отбивной. Конечно, этим сложно наесться, но, как ей казалось, голодному Пако в подвале и такие крохи должны показаться лучшим угощением.

Дождавшись ночи, Бекки вышла из общей комнаты и отправилась искать подвал. Ей было безумно страшно, что её поймут и тоже накажут. Но ведь был шанс, что всё пройдёт гладко, и она обрадует Пако.

Пако. При мысли о нём сердце замирало, но Бекки себе в этом не признавалась.

Девочка забрела на лестницу, где сидела полдня назад, и остановилась там, чтобы немного подумать. Но вдруг она услышала в темноте на лестнице шаги и от ужаса оступилась и чуть не упала. Её поймали, и когда кто-то схватил Бекки за руку, она негромко вскрикнула.

– Тихо, – вдруг шикнул кто-то.

– Это мы! – воскликнул весёлый голос, но остальные вдруг зашикали на него.

– Мигель? Тео? – Бекки узнала говоривших. – Что вы здесь делаете?

– Мы посоветовались и решили, что ты права, – взял слово Мигель.

– Точнее, мы вспомнили, что у Пако был какой-то кулон, который он никогда не снимал, – сознался Тео и получил затрещину. – Что? Это же больше не тайна! Нам просто стало жалко Пако вот и всё.

– Да, тем более, что ты всё равно не попала бы в подвал, – добавил Бернارد, самая объёмная тень среди других. – Дверь в подвал всегда закрыта.

– Но как же мы туда попадём? – встревоженно спросила Бекки. Она была убеждена, что в приюте нет запираемых дверей.

– Гойо Гончар! – тихо, но торжественно провозгласил Тео. – Гойо Гончар!

Бекки только в тот момент поняла, что теней на одну больше, чем друзей. Вперёд выступил очень высокий мальчик. Он был пугающе худым и выше всех присутствующих. При этом он даже немножко сутулился.

– Это Гойо, – пояснил Декстер.

– Он умеет взламывать замки, – продолжил за него Синистр.

– Рос среди воров и жуликов, – сказал Дек. – Его отправляли на взломы, когда он был маленьким и незаметным ребёнком.

– А потом он вырос, и вору сдали его в приют, – закончил Син. – Здесь он учится на гончара.

– Почему не на моряка? – спросила Бекки, поражённая столь печальной историей. Ей было трудно представить, чтобы ребёнок вместо того, чтобы играть и гулять, помогал вору.

– Хватит с меня приключений, – ответил Гойо хрипло. – Пока я делаю горшки, со мной точно ничего не случится.

– Если только горшок не упадёт тебе на голову, – захохотал Тео. Рядом с ним послышался тихий смешок. Малыш Нико. Бекки даже в темноте увидела, как Тео потрепал его по волосам.

– Я взяла для Пако немного еды, – сообщила Бекки. – А потом мы пойдём искать его кулон.

– У нас есть две свечи и огниво, – сказал Бернард. – Если будет нужно, зажжём.

– Отлично, морские волки! – тихонько воскликнула Бекки, чувствуя себя настоящим предводителем. – Вперёд на помощь Пако!

Все, насколько могли, тихо шёпотом заулюлюкали и издали радостные звуки. Бекки в тот момент одолевала два торжественных чувства. Во-первых, она радовалась своей маленькой победе: тому, что ей удалось убедить мальчиков помочь другу. А во-вторых, Бекки наконец-то почувствовала себя капитаном. Ей всегда хотелось быть во главе бравой команды, и вот, её мечта осуществилась.

Они шли цепочкой, крадучись. Бекки была во главе, а замыкал их колонну Мигель. Он больше всех волновался за безопасность миссии и решил хоть какую-то долю ответственности взять на себя. Последний был не менее важен, чем первый, потому что тоже мог заметить опасность со стороны.

Чтобы попасть в подвал, нужно было спуститься вниз по лестнице, находившийся в самой глубине приюта. И ребята дошли до неё, ни разу не столкнувшись с проблемами. Когда они спустились по скрипучим ступенькам, то остановились у огромной тяжёлой деревянной двери, на удивление, без дырок и щелей. Она была закована в железо по краям, сбоку висела огромная кованая ручка в виде кольца, а под ней находилась скважина.

– Ну, вперёд, – Тео откуда-то сзади подтолкнул Гойо.

Гончар важно шагнул к двери и достал из-за пазухи какие-то железные инструменты. Некоторые были подлиннее, некоторые покороче, у некоторых загнутый в бок носик был небольшим, а других очень длинным.

Гойо нагнулся к замку и стал его осматривать и даже трогать скважину.

– Посветите мне, – шепнул он.

– Твои воришки тебе тоже светили? – ехидно спросил Тео.

Гойо повернулся к нему и бросил на него такой злобный взгляд, что Бекки показалось, сейчас начнётся драка. Но гончар лишь произнёс:

– Иди к чёрту, Тео, со своими несмешными шутками.

– Мы не можем посветить, – серьёзным голосом проговорил Мигель, проходя вперёд. – В коридоре свет будет очень заметен.

Гойо обречённо вздохнул и взялся за инструменты. Он пихал в скважину то одну отмычку, то другую. И никто не мог винить его в непрофессионализме, потому что было действительно очень темно. Иногда инструменты пугающе звенели, и воображение рисовало образ спешащей к ним разгневанной госпожи Франко. Со стороны Гойо слышались резкие и грубые слова, значения которых Бекки не знала, но могла предположить, что их мальчик слышал у своих старых знакомых.

– Готово, – удовлетворённо произнёс Гойо после того, как послышался неприятный скрежет.

Гончар встал на ноги и начал убирать инструменты обратно за пазуху.

– Ну, я пошёл, – сказал он, подтягивая штаны.

– Куда это? – в один голос возмутились Декстер и Синистр. – А как мы без тебя дальше?

– Я замок открыл? Открыл. Уговор выполнил. Всё, я пошёл, – и Гойо попытался пробраться сквозь толпу, но Бернард, Мигель и Тео встали перед ним сплошной стеной. Даже малыш Нико подскочил, видя, что все сплачиваются.

– Какого чёрта? – выругался Гойо и добавил к этому ещё несколько обзывательств.

– Как мы, по-твоему, закроем дверь? – спокойно спросил Мигель. Он стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. – План заключался в том, что ты нас сопровождаешь, закрываешь и открываешь дверь, когда нам это нужно. Например, сейчас мы зайдём, и нужно дверь закрыть, чтобы в случае, если Франко тут появится и решит проведать Пако, она ничего не заподозрила.

– Если здесь появится Франко, то вас ничего не спасёт, – резко выговорил Гойо. – Я не собираюсь разделять с вами вашу братскую могилу.

– Посмотрите на него, – фыркнул Бернард. – Не собирается он.

– Да Гойо просто трус! – смешливо заявил Тео. – Гойо трус, Гойо трус, Гойо трус!

– Я тебя сейчас убью, Тео, – забыв про шёпот, гневно выпалил Гойо.

И он даже дёрнулся в сторону безбашенного Тео, но вдруг ощутил руку у себя на плече и остановился. Он резко обернулся и увидел Бекки. Та смотрела на него взглядом, полным надежды.

– Гойо, пожалуйста, – проговорила она умоляющим голосом. – Ты нам очень нужен. Без твоей помощи нам точно не справиться, ведь кроме тебя эту дверь никто не откроет и не закроет. И мы проделали очень большой путь, чтобы после всего идти назад.

Гойо резко обернулся и ударил себя в грудь рукой. При его росте это выглядело угрожающе.

– Ты знаешь, во сколько неприятностей я влипал из-за этих дверей? – зло спросил он. – Знаешь, сколько раз меня ловили? И это вам не шутки и не игры, за преступление ты отвечаешь серьёзно.

– Прости, Гойо, – Бекки смотрела ему в глаза, не боясь его резких движений. – Я не знаю, через что тебе пришлось пройти. Поэтому ты можешь решать, но, если ты пойдёшь с нами, мы будем тебе очень благодарны. Нам больше некому помочь.

Гойо опять ругнулся и стал доставать из-за пазухи инструменты.

– Чёртовы бабы, – шептал он. – Не зря Хуан говорил, что вы хитрые, как сам Дьявол. Ну, что стоим? Идём!

Бекки, так и не поняв, что имел в виду Гойо и кто такой Хуан, просияла и тут же двинулась к двери. Их поход продолжился.

В подвал ребята спускались по каменным ступенькам. Бекки шла впереди и слышала позади себя стук, будто били камнем о камень. Вдруг через несколько мгновений вспыхнул свет. Восемь теней заплясало на стене. Мальчики передали подсвечник Бекки, и теперь они уже без трудностей и почти без страха двинулись вперёд.

Из-за холодных каменных, местами с плесенью, стен, в подвале было зябко и влажно, и Бекки просто не представляла, каково тут Пако сидеть всю ночь. Тут можно запросто простудиться, а этого боялись все, даже когда Бекки жила во дворце.

И вдруг ребята увидели двери. Металлические, с небольшими решётчатыми окошками наверху. И огромной тяжёлой задвижкой.

– Пако, – тихонько позвала Бекки. – Пако, где ты?

– Пако! – вдруг выкрикнул Тео, и все зашикали на него. Гойо всё же не выдержал и дал ему подзатыльник.

Но зато сработало. Из пятой камеры донёсся сдавленный голос:

– Я тут!

Ребята тут же забыли про строй и побежали туда. Бекки самая первая прислонилась к двери.

– Пако! – позвала она уже обычным голосом, забыв про шёпот.

– Бекки? – послышалась изумлённый ответ.

– Это я, Пако, – ответила Бекки, широко улыбаясь.

– И я! – не отставал Тео.

– И Дек, и Син, – проговорили братья в унисон.

– И я, – коротко ответил серьёзный Мигель. Но даже он в тот момент улыбался.

– И я, – вторил ему Бернард, у которого на щеках от улыбки появились ямочки.

– Чёрт тебя побери, Пако, даже я тут, – проговорил Гойо. – Гойо гончар.

– И малыш Нико! – выкрикнул Тео, видя, как возле него радостно подпрыгивает и смеётся белобрысый друг.

– Ребята, – изумлённо протянул Пако. Казалось, он не осознавал, что происходит. – Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

– Помогите мне отодвинуть эту штуку, – задыхаясь, проговорила Бекки, которая уже стала пытаться открыть дверь.

Мальчишки тут же подскочили к ней и навалились на задвижку, потихоньку сдвигая её.

И вот, раздался щелчок, и довольные ребята отскочили в сторону. Дверь распахнулась, и им навстречу вышел Пако. Он во все глаза смотрел на друзей и будто бы находился в каком-то оцепенении.

Бекки нашлась первой. Она бросилась к Пако с объятиями. Тут же на них кучей-малой навалились все остальные. Мальчишки кричали и улюлюкали. Все совсем забыли про тишину, настолько сильна была их радость.

Затем Пако пригласил друзей в свою обитель. Там не было ничего, кроме голых стен и ведра. Зато также была очень длинная лавочка, на которой уместились все друзья.

Пако, казалось, только-только начал осознавать, что произошло, прохаживаясь туда-сюда.

– Ну, вы, конечно, даёте, – озадаченно хохотнул он. – Ночью, нарушая правила, пришли ко мне!

– Это всё Бекки, – не выдержал Тео и заелозил на своём месте. – Она нас собрала.

– Ой, брось ты, – тут же отмахнулась девочка. Она испугалась, что Тео снова начнёт кричать, что она влюбилась в Пако, поэтому поспешила сменить тему. – Вот, держи. Думаю, ты проголодался.

И Бекки достала из карманов хлеб, яблоко и кусок мяса. Глаза Пако тут же округлились от изумления.

– Это что, мне? – не веря, спросил он.

– Да, ужин, – улыбнулась девочка.

Они с Пако стояли и смотрели друг на друга, краснея и смущаясь. Но Пако решил нарушить эту неловкость и спросил:

– А как вы все познакомились?

И ребята рассказали о том, как всё было. А потом они стали болтать о совершенно разных вещах, просто обо всём на свете. Именно по этому истосковалась Бекки, именно этого всего ей и не хватало.

– Я думаю, что мы сегодня победили госпожу Франко, – весело заявил Тео.

– Почему? – не понял Бернард. Остальные тоже вопросительно воззрились на друга.

– Потому что она думает, что победила, но на деле мы не боимся её, и нам тут весело и хорошо, – говорил Тео с довольной улыбкой. – И пускай она этого не знает, это всё равно наша победа.

– Даёшь победу над Франко! – вдруг выпалил Декстер, победно поднимая кулак над головой.

– Даёшь победу над Франко! – тут же повторил за ним Синистр. Остальные сделали то же самое, даже малыш Нико со смехом поднял руку. А затем все весело захохотали.

Но вдруг друзья, как по команде смолкли. Послышался грохот железной двери, и улыбки тут же сменились тревогой. Ребята взглянули друг на друга в полнейшем ужасе.

– Что нам делать? – пискнул Гойо, сжимаясь в шарик. От испуга он перестал выглядеть самым высоким из всех, настолько сильно втянул голову в плечи и нагнулся вперёд.

– Это Франко, – с паникой в голосе проговорил Бернард, вскакивая.

– Спокойно! – серьёзно проговорил Мигель. – Не поддаваться панике, она нас погубит.

– Мигель прав, – сказала Бекки, вскакивая на ноги. – Быстро выходим из камеры, задвигаем засов и бежим прятаться за самую дальнюю дверь. Вряд ли Франко будет проверять все камеры.

– А если она нас слышала? – прошептал самый испуганный из всех – Гойо.

– Тогда помогут нам небеса, – ответил Мигель. – Бекки права. Надо делать, как она сказала.

И мальчишки, столпившись у двери, поспешили выбежать, оставив Пако одного. Бекки выходила последней. И перед тем, как уйти, ощутила прикосновение к своему плечу.

– Аккуратнее, – только и сказал Пако.

Девочка, ничего не осознавая, кроме приближающейся опасности, рвано кивнула и поспешила выйти за всеми. Было очень сложно надеяться, что они остались незамеченными, потому что топот от убегающих ног был громким. В панике дети забыли про все меры предосторожности и даже не сразу догадались потушить свечу. Лишь, когда кое-как протолкнулись в самую дальнюю камеру. Каждый хотел поскорее спрятаться. Бекки же стояла и ждала, пока друзья зайдут, и с ужасом вспоминала, как люди рвались на корабль тогда, во время извержения вулкана. Девочка даже оцепенела, но страх перед опасностью всё же заставил её пошевелиться и забежать в камеру.

Дети сгрудились за дверью, чтобы при её открытии никого не было видно. Хотя все понимали, что полностью такую кучу-малу не спрячешь, но надежда всё равно оставалась.

В длинном коридоре слышались шаги. Дети почти не дышали и инстинктивно жались друг к другу. Тот момент тянулся целую вечность.

– Пако, ты где? – раздался голос.

Ребята тут же переглянулись. Удивление читалось на их лицах.

– Пако, ты тут? – повторил голос.

– Да, господин Гарсия-Фернандес, – ответил Пако. – Я тут.

Послышались неровные шаги, словно человек хромал, а затем скрежет засова. Скрип двери. Через окошко наверху дети видели, что стены коридора были тускло освещены. Скорее всего, учитель принёс свечу.

– Как ты тут? – спросил Эстебан.

– Неплохо, – ответил Пако.

– Рад, что ты не выглядишь совсем грустным или испуганным, – искренне проговорил Эстебан.

– Я не трус, господин Фернандес, – бойко ответил Пако.

– Я знаю, – с улыбкой в голосе ответил учитель. – Я принёс тебе кое-чего вкусного. Специально отпросился у госпожи Франко в рабочий день сходить в город. Спорю, что ты проголодался.

Эстебан чем-то зашуршал, а затем вдруг замер.

– Откуда у тебя яблоко? – спросил учитель.

– Я... ну... – Пако замялся, а дети за дверью ещё сильнее прижались друг к другу.

– Сюда кто-то приходил, – проговорил Эстебан утвердительно, без тени вопроса в голосе. – Или...

Эстебан вышел в коридор и осветил его, подняв свечу над головой. Никого не увидев, он вернулся в камеру.

– Мне просто показалось, что я слышал чьи-то голоса и шаги, когда сюда заходил, – громче, чем обычно, произнёс Эстебан. – И я думал, что мог бы поделиться вкусами, если тут кто-то, конечно, есть.

Ещё некоторое время в подвале было тихо. Но потом послышался медленный скрип, перешёптывания и скромные шаги. Эстебан поставил свечу на пол и встал, скрестив руки на груди. Он встретил робко заглянувших ребят шутливо-строгим видом.

– Ну, – сказал он. – И чего это мы прячемся?

– Мы думали, что вы госпожа Франко, – ответила Бекки.

– Хуже меня ещё никто не оскорблял, – скривился Эстебан.

Эта фраза заставила детей расслабиться. Через минуту они снова все сидели на лавочке, но уже делили между собой сладкие булки, которых оказалось очень много.

Сначала мальчишки представили господину Гарсии-Фернандесу Бекки Джонс, а затем рассказали, как она убедила их помочь Пако, поддержать его и принести еды. После этого Эстебан изумлённо спросил, как дети смогли пробраться в подвал. Ведь даже ему с трудом удалось добыть ключи.

Гойо долго не хотел сознаваться, но в итоге за него всё рассказал Тео. Между мальчиками легко могла случиться драка, если бы Эстебан не поклялся, что никому не расскажет о талантах гончара, и наоборот поблагодарил его за участие. Гойо сдержанно кивнул учителю. Видимо, в жизни мальчика произошло что-то невероятно страшное, раз он даже говорить о своём умении не хотел.

Ссора закончилась ещё и благодаря тому, что Пако внезапно произнёс:

– Господин Гарсия-Фернандес, а вы можете взять к себе на обучение Бекки? Она сказала, что умеет управлять кораблём, потому что её папа был моряком.

– Моряком? – спросил Эстебан, нахмурившись. Конечно, ведь он знал, что Бекки изначально назвалась принцессой.

– Да, – вдруг бойко ответила она. – Все должны знать, что мой отец – моряк.

Кажется, Эстебан её понял, поскольку кивнул и больше не стал задавать ей вопросов. Только сказал:

– Я бы с радостью взял к себе такую смелую ученицу, но не знаю, позволит ли Франко. Думаю, мы сможем на что-то надеяться только после того, как ты расскажешь ей Книгу Господню. Ты должна сделать это лучше всех, чтобы у меня были шансы убедить её перевести тебя на обучение к мальчишкам.

– Давай, Бекки, – Пако дружески ткнул её в бок локтем. – Если что, мы тебе поможем.

– А Пако и Бекки... – завёл свою шарманку Тео

Он не успел договорить, потому что Мигель повернулся к нему и зажал рот рукой. Тео что-то мычал, а потом Мигель одёрнул руку с громким: «Фу!» и начал вытирать ладонь о штаны.

После этого они сидели и мило разговаривали, обсуждая всякую ерунду, а порой переходя на важные темы. Например, о прошлом или будущем. Также ребята снова попытались выведать у Эстебана, почему он хромает.

– Получил травму в шторм, – ответил учитель, но при этом уставился в одну точку, словно перед глазами его точками замелькали воспоминания. Лицо его сделалось таким печальным, а в глазах промелькнуло нечто болезненное, что дети решили больше не спрашивать.

Разговоры длились, пока самый непоседливый из них, Тео, очень слышным шёпотом спросил сидевшего рядом Мигеля:

– Так, а мы пойдём искать?

Все тут же повернули головы в его сторону и шикнули. Только Пако смотрел с непониманием.

– Что искать? – чуть строго спросил Эстебан.

– Неважно, – тут же ответила Бекки. – Ничего серьёзного.

Эстебан вперил в неё взгляд, говоривший: «И ты думаешь, я тебе поверю?» Затем запустил руку в сумку на поясе и достал оттуда какой-то предмет, который блеснул при свете свечи. Между пальцев свешивалась длинная цепочка.

Увидев это, Пако вскочил с лавки. Бекки поднялась вслед за ним.

– Не это вы хотели пойти искать? – спросил Эстебан, раскрывая ладонь.

Бекки увидела круглый медальон с красивыми тонкими узорами на крышке. Пако мгновенно подбежал к Эстебану и жадно выхватил кулон из рук учителя. Открыл, взглянул на портрет своей матери и тут же прижал к груди.

– Где вы его нашли? – грудным голосом, будто бы стало трудно говорить, спросил Пако.

– У себя в кабинете, – пожал плечами Эстебан. – На полу валялся. Правда, я заметил его только сегодня после занятий у себя под столом. Может, кто-то случайно пнул его, или ты выронил, когда выходил к столу отвечать по строению корабля.

Пако ещё раз заглянул внутрь кулона и заботливо закрыл крышку. Вешая его на шею, он тихо произнёс:

– Спасибо.

– Не за что, Пако, – серьёзно ответил Эстебан. – Но давайте договоримся, что в следующий раз, если у вас возникнут какие-то проблемы, вы сразу пойдёте ко мне. Я обязательно помогу. И уж тем более ничего не расскажу госпоже Франко.

– Видишь, Бекки, – вдруг сказал Декстер. – Нам и искать не пришлось!

Пако миг повернулся к Бекки. Он смотрел на неё не верящим взглядом. Казалось, он увидел Бекки совсем по-другому, словно у него с глаз спала пелена.

– Ты и правда хотела пойти искать мой медальон? – спросил он серьёзно.

– Ну, – замялась Бекки. – Я случайно проговорила команде, а потом мы все решили, что могли бы поискать вместе.

– Спасибо, – вдруг от всей души сказал Пако. Он чуть дёрнулся вперёд, но тут же остановился, будто передумал. Но добавил: – Правда, спасибо.

Вдруг Тео заголосил:

– А Пако и Бекки...

– По-моему, вам пора спать, – усмехнулся Эстебан, перебив Тео. – А то завтра на занятии ничего соображать не будете.

Наверное, только в тот момент дети осознали, что и впрямь дико устали. В прохладном и тёмном подвале им было так хорошо и тепло, как не было очень и очень давно. Казалось, было странно, что в столь неуютном месте они почувствовали самое настоящее счастье.

С Пако прощались очень долго. Ребята очень не хотели оставлять его тут одного и даже предлагали, чтобы он переночевал в комнате у Эстебана, а рано утром его бы снова привели сюда. Но учитель не соглашался. Он был уверен, что госпожа Франко может нагрянуть так рано, что они не успеют даже проснуться. Тогда его, Эстебана, выгонят из приюта, и больше никому будет им помогать. Это был весомый аргумент, и дети всё же нашли в себе силы оставить друга одного.

И сделали правильно, потому что по пути назад встретили никого иного, как госпожу Франко. И более того, её сопровождала Луиза, подражавшая своим шагом шагу директрисы.

Завидев вдалеке её силуэт, освещённый луной из окна, дети по одному короткому жесту Эстебана забежали в какой-то коридор. Только Бекки осталась рядом, поскольку понимала,

что Франко и Луиза пришли по её душу. Господин Гарсия-Фернандес успокаивающе положил девочке руку на плечо.

Франко дошла до цели и резко остановилась, пламя свечи в её руках затрепетало точно, как и сердце испуганной Бекки Джонс.

– Доброй ночи, господин Гарсия-Фернандес, – самодовольно поздоровалась госпожа Франко. – Вижу, вы поймали нарушительницу. Её соседка Луиза забила тревогу и сообщила, что Бекки Джонс пропала. Я считаю, что это благородный поступок, и эта маленькая преступница должна понести наказание.

Луиза смотрела на Франко с обожанием, а на Бекки – с торжеством. Бекки снова ощутила, как хочет наброситься на девочку с кулаками. Но её желание внезапно подавил Эстебан.

– Бекки Джонс мучили кошмары, – сказал он. – Она в полуобморочном состоянии вышла в коридор, чтобы попросить помощи, и наткнулась на меня. Я угостил её тёплым молоком и печеньем и повёл обратно в спальню. Так что Бекки Джонс не нарушала правил, госпожа Франко.

Франко открыла рот в немом возмущении.

– В следующий раз, господин Гарсия-Фернандес, вы должны разбудить преподавателя женщину, если проблемы возникают у девочки! Всё-таки есть определённые правила приличия.

– И мораль, – сухо ответил Эстебан. – Жаль только, что вы о ней не слышали, раз допускаете...

– Молчать! Бекки Джонс, сейчас же за мной, – и Франко грубо схватила девочку за руку. – Ещё одно замечание и будешь сидеть в подвале две ночи, ясно?

По пути к спальне Бекки боковым зрением видела, насколько довольна была Луиза. Но на это было уже наплевать. Больше всего Бекки тревожило, что после такого проступка ей могут не разрешить учиться у Эстебана даже, если она расскажет Книгу Господню лучше всех в приюте.

Глава 5. Наказание для Бекки Джонс.

Тот день Бекки вспоминала ещё очень долго. Тогда детей собрали для того, чтобы они рассказали Книгу Господню наизусть. Их привели в небольшое помещение без окон, с одной горевшей на столе лампадкой и скудной обстановкой, состоявшей из стола с несколькими иконами на нём и стула, на котором сидела Маргарет Поло Франко. Из-за недостатка освещения морщины её казались глубокими, глаза находились в тени и зловеще отражали отблеск лампадки. Все дети, как цыплята, жались друг к другу у дальней стены.

Когда госпожа Франко подала знак, что можно отвечать, то Бекки с лихорадочно горящими глазами и гулко бьющимся сердцем вышла вперёд. Ей придавало уверенности то, что за учительницей стоял Эстебан Гарсия-Фернандес. Бекки была убеждена, что учитель не даст её в обиду. Эстебан стоял, чуть покачиваясь на пятках, и лицо его по обыкновению сохраняло добродушное выражение. Иногда он бросал на Бекки взгляд и подбадривающе кивал.

Бекки вышла рассказывать первая и, как ей показалось, сделала это идеально, ведь перед глазами видела текст вплоть до запятой. «Высшие силы наделили королей способностями, которыми не дано обладать иным людям. Магия существует для баланса. Сама Преисподняя управляет ей, очерняет, соблазняет простых смертных. И должно людям бороться с искушением и не использовать магию в своих целях, потому что тогда они посеют хаос и уничтожат сами себя. Именно божественные силы удерживают людей от греха и хаоса».

Бекки могла начать рассказывать с любого момента или даже перепрыгивать через абзац. Но, когда девочка закончила, госпожа Франко посмотрела на неё настолько недовольно, будто та забыла абсолютно всё и не сумела вымолвить ни слова.

– Можешь идти, я ставлю тебе тройку, – высокомерно проговорила госпожа Франко, что-то записывая в тетрадь.

– Но... я же... – запинаясь, проговорила Бекки.

– Что? – резко спросила госпожа Франко. И тон её был такой, что хотелось согласиться со всем, что она говорит, лишь бы больше не слышать этого железного голоса. – Считаешь, что это несправедливо?

Бекки хотелось выкрикнуть: «Конечно, несправедливо!» Но девочка держала себя в руках только из-за своего плана, который собиралась привести в исполнение тут же.

– Всё справедливо, потому что одна ошибка – это минус балл, а одна долгая пауза – минус полбалла. Так что, я ещё пощадила тебя. А теперь, дай возможность ответить остальным.

– Госпожа Франко, – взмолилась Бекки. – Я могу рассказать всё заново ещё раз. Но только разрешите мне, пожалуйста, перейти учиться в группу к мальчикам. Я хочу заниматься кораблестроением.

Среди детей раздался смех. Ребята стали перешёптываться о том, какая Бекки Джонс заноза. Она на секунду почувствовала себя униженной, но, чтобы не показать этого, лишь гордо распрямила плечи.

– Мы с отцом вместе выходили в море, так что я уже что-то умею, – не сдавалась Бекки. – И я хочу в будущем собрать команду и отправиться на его поиски. Поэтому...

– Если ты сейчас не уйдёшь, я обрежу тебе косу, – сквозь зубы прошипела Франко. – А ты вроде говорила, что по ней тебя тоже могут искать, и отец просил не срезать.

На этих словах среди детей раздался знакомый смешок. Бекки испуганно прижала к себе заплетённые в косу волосы. Она же говорила о том, что отец обещал узнать её по волосам, только при Луизе. Значит, та докладывает обо всём Франко. Все, абсолютно все здесь были против неё.

Бекки развернулась и убежала. Она слышала, как за ней хотел побежать господин Гарсия-Фернандес, но Франко пригрозила ему увольнением, и учителю пришлось остаться слушать других детей.

Бекки же прибежала на свою любимую лестницу, где проплакала не меньше часа. Там её нашёл Пако. Он молча сел рядом, подождал, пока подруга перестанет всхлипывать и спросил: – Она не разрешила, да?

И Бекки зашлась в рыданиях ещё сильнее. Ей было обидно, что она так много времени и сил потратила на то, чтобы выучить эту нудную тяжёлую книгу, а её труды взяли и обесценили, а потом ещё втоптали в грязь. Над ней смеялись и выгнали с позором. Хотя Бекки была уверена, что лучше, чем она, никто не расскажет. И потом, да, ей не разрешили учиться с мальчиками.

Пако пытался приободрить Бекки, похлопывал её по плечу, брал за руку. От этих жестов становилось трудно дышать, что-то непонятное и незнакомое пробуждалось в глубине души.

Когда Бекки успокоилась, Пако решил проводить её до спальни девочек. Там он крепко обнял Бекки, говоря, чтобы та не расстраивалась, ведь они всё равно будут дружить, и она уже принята в команду. Бекки улыбнулась и не удержалась от того, чтобы поцеловать Пако в щёку. Это увидела Луиза и прошла мимо, сильно задев плечом Бекки.

Но это было не самое страшное.

Ночью на Бекки Луиза напала с подушкой. Она уселась сверху и стала душить её, а другие девочки держали ноги и руки жертвы. Бекки вертелась, как уж на сковородке, пыталась кричать и чувствовала, как задыхается. Ей казалось, что вот сейчас закончится её недолгая жизнь, и она умрёт, так и не увидевшись с отцом. Слюни взбесившейся Луизы падали на покрасневшее лицо Бекки. И тут хватка ослабла. Луиза вскочила на ноги и отбросила в сторону подушку. Девочки тоже отпустили руки-ноги и ушли к своим кроватям.

– Нам не нужно, чтобы ты тут сдохла, – произнесла Луиза. – Но я должна была отомстить за то, что ты специально назло мне охмурила этого Пако. Столько мальчишек в приюте, а ты выбрала именно того, кто понравился мне, и ты знала это. Ещё раз такое повторится, и ты не проснёшься.

Бекки держалась за шею и пыталась восстановить дыхание. В ушах шумело, в груди отчаянно билось сердце из-за недавнего ужаса перед лицом смерти. Такого унижения она простить не могла.

Бекки вскочила на ноги и с воплем набросилась на Луизу. Она схватила её за волосы и повалила на кровать. Луиза визжала во всю глотку, девочки ринулись её спасать, но у них не получалось отдернуть взбесившуюся Бекки. Та наносила удары по лицу, как это делают мужики в рукопашном бою. Кровь брызнула на светлую кожу, на волосы, на простыню. Луиза вся оказалась в крови, и, увидев это, её подружки с ужасом отбежали в сторону. Кто-то уже звал директрису.

Бекки оторвала от Луизы лишь госпожа Франко. Она держала девочку за шиворот и очень громко ругалась, не сдерживаясь в выражениях. Луиза лежала в крови и плакала навзрыд, лицо её выглядело уродливым и искажённым. Бекки же всё вокруг казалось каким-то медленным, будто она застряла в прозрачном желе. Её куда-то тащили, и пришла в себя она только, когда ощутила удар розгами по спине. Бекки стояла на коленях в кабинете, где рассказывала Книгу Господню, и прямо перед образом святого её избивали по спине через порвавшуюся ткань ночной рубашки.

Ударов оказалось не так много, потому что в кабинет прибежал господин Гарсия-Фернандес, который вырвал у Франко розги и выкинул их в сторону. Он кричал, тоже не сдерживаясь в выражениях, а затем поймал на руки Бекки, которая упала в обморок.

Очнулась Бекки в подвале за запертой дверью с решёткой наверху. Она просидела на сухарях и яблоках неделю. И, хоть к ней приходили друзья по ночам и приносили другие уго-

щения, оставаться одной за решёткой среди холодных стен было страшно и тоскливо. Особенно, потому что всё снова оказалось несправедливо. Только ребята и Эстебан верили в то, что Луиза душила Бекки, из-за чего та и накинулась на неё. Но госпожа Франко упрямо стояла на том, что её любимица не могла себе позволить никого душить, даже такую нахалку, как юную госпожу Джонс.

Зато после этого случая Бекки разрешили учиться с мальчиками кораблестроению и поселили одну в тесную каморку, где умещались только кровать и свеча в подставке на подоконнике. Там не было стола, так что уроки приходилось делать в классе. Но даже так девочка была счастлива, ведь она занималась любимым делом со своей верной командой и не жила в соседстве с мерзкой ненавистной Луизой. Тем более, что, когда Бекки делала уроки в классе, с ней один на один оставался Пако.

Глава 6. Сан-Ферни.

Бекки стала изгоем во всём приюте, но обрела команду друзей, вместе с которыми обучалась мореплаванию и немного фехтованию. Так прошли пять лет жизни в приюте. Пять долгих лет, за которые за принцессой так и не приплыл отец, хотя она не переставала надеяться, что в один день это всё же произойдёт.

Бекки превращалась из милостивой веснушчатой девочки в прекрасную девушку. Она не осознавала, что её большие зелёные глаза пленили многих, а постоянная улыбка на губах подбадривала. Несмотря на то, что все девочки были одеты в одинаковые серо-коричневые потёртые платья с передниками, в движениях Бекки ощущалась грация, она была изящной, но в то же время юркой и пронырливой. Глаза её светились хитростью и интеллектом. Но это не пугало, не заставляло думать, что эта девушка хочет кого-то использовать в своих целях, потому что улыбка всегда выдавала её доброту и постоянное желание помочь.

В Бекки были влюблены почти все мальчишки из их компании. Бернард – неосознанно, просто чувствуя, что ему тепло рядом с подружкой, Мигель – словно покровитель, постоянно оберегал её и предупреждал, какое из решений пагубно отразится на ней, Гойо – самоотверженно, он даже переборол свой страх и ушёл из гонимого дела в корабельное, лишь бы быть частью команды и быть поближе к Бекки, а малыш Нико – по-детски, с застенчивым смехом принося ей цветочки или красивые камушки. Но больше всех её любил Пако. И ему везло больше остальных, потому что на уроках Бекки сидела именно с ним.

Но из-за правил приюта, по которым мальчишки и девочки не имели права вступать в отношения, (а если кого-то замечали целующимся, то жёстко наказывали) Бекки и Пако скрывали друг от друга свои чувства. Наказание за любовные отношения было ещё серьёзнее, чем нарушение комендантского часа. Если молодые люди заставались за поцелуями, то их ждала часовая порка мокрыми кнутами и месячная изоляция в пустой комнате. Но Бекки и Пако всё равно то и дело норовили коснуться друг друга плечом на занятии, когда хохотали, склонялись близко друг к другу и всегда ходили парой, порой о чём-то перешёптываясь.

Как и в тот важный для всех день.

Дни, которые полностью меняют жизнь, начинаются точно так же, как и самые непримечательные. Хотя в тот раз было несколько иначе. Тогда был праздник, к которому готовились все кастельцы, жившие в городе Бельяда – в столице. В тот день все готовились к ночи, полной веселья, свистоплясок, угощений и танцев. Даже в приюте разрешалось не спать всю ночь, петь и водить хоромы. Только для начала весь день нужно было убираться и вычищать все кабинеты и коридоры до блеска. Этим занимались старшие ребята.

Бекки и её команда ходили с вёдрами, полными тёмной воды, макали туда серые тряпки, наматывали на швабры и носились взад-вперёд по коридорам наперегонки. Кто оказывался последним, тому отвешивали щелбан. Бекки соревновалась с Пако, который ей с радостью поддавался, а потом подставлял лоб. После щелбанов Бекки нежно поглаживала ушибленное место, и этот момент близости не мог сравниться ни с чем.

Вечером, когда уже стемнело, они вдвоём понесли вёдра в подсобку. Весь приют как будто гудел, чувствовалось, что вот-вот он взорвётся песнями, радостными голосами и топотом молодых ног. Бекки открыла дверь, закинула вёдра и швабры в подсобку, развернулась и вдруг увидела лицо Пако прямо перед собой. Она вздрогнула и неосознанно прижалась к двери. Пако оказался так близко, что даже его дыхание щекотало кожу. Внезапно он погладил её горячей ладонью по щеке. Пако стал очень красивым в свои пятнадцать лет, в его повадках читалась мужественность, взгляд с прищуром манил, острые скулы делали лицо привлекательным, и от него в целом чувствовался шарм опасности.

– Бекки, – прошептал Пако. – Давай сбежим на эту ночь? Нашей пропажи никто не заметит, а мы с тобой потанцуем в толпе, где до нас нет никакого дела. И я хочу остаться только с тобой.

Бекки задрожала, её пробил холод несмотря на жаркое дыхание и прикосновение Пако. Озноб пробежал по спине, и даже голос задрожал.

– Н-нет, Пако, – неохотно проговорила она. – Я не могу.

– Не думал, что ты боишься, – усмехнулся Пако, продолжая гладить Бекки по щеке.

– Нас увидят, отойди, – взмолилась она, хотя, могла отдать всё на свете, лишь бы Пако продолжил настаивать.

– Давай же, мы сбежим только один раз.

– Мы потом не остановимся, Пако, – резко проговорила Бекки и сдёрнула его руку с себя. Она отошла в сторону, перестав чувствовать дверь за спиной, и жар Пако впереди. – Лучше ничего не начинать, ведь будет больнее.

– И что ты предлагаешь? – Пако зло развёл руками.

Бекки задумалась над тем, что ему ответить, но вдруг заметила, что в приюте стало подозрительно тихо. Она прислушалась и поняла, что не ошиблась. Голосов больше не было слышно.

– Пако, мне кажется, что-то произошло, – вдруг встревоженно сказала она.

– Я бы сказал, что со мной произошло, но не буду, – озлобленно ответил Пако.

Бекки не отреагировала. Она лишь подошла, взяла его за руку и поспешила в главный коридор. Хотелось узнать, что они пропустили.

В холле собралось очень много детей: кто-то стоял в два ряда у стенки, а кто-то толпился в центре, но старался уйти к краю, потому что в толпе было неудобно. И все молчали, что казалось самым странным. Возле входной двери важно стояла госпожа Франко, а рядом – её любимица Луиза, которая внезапно обратила внимание на Бекки. Девушка указала на неё пальцем и привлекла внимание директрисы.

– Госпожа Франко, а что, если это искали Бекки Джонс? – писклявым голосом спросила Луиза. С возрастом она растеряла свою детскость, которая умиляла взрослых, но до сих пор пыталась казаться хорошенькой девочкой, что плохо получалось.

– Меня кто-то искал? – спросила Бекки, без страха подойдя к Франко. Она её почти не боялась, потому что знала, что господин Гарсия-Фернандес всегда её защитит. Хотя на Сан-Ферни он отпросился в город, потому что ему хотелось кого-то поздравить.

– Может быть, – сухо ответила Франко. – Приходил какой-то хорошо одетый мужчина. Говорил, что приплыл издалека и спрашивал, нет ли у нас девочки с веснушками и длинной толстой косой. Я выстроила здесь всех детей, но не знала, что ты отходила, и он не мог тебя увидеть. Возможно, он искал как раз тебя.

– Что? – Бекки едва не задохнулась от возмущения. Она представила, что сюда заходил её отец, который пытался найти свою дочь, но не нашёл и теперь неизвестно, можно ли его догнать. – Он говорил имя? Говорил?

– Я не запомнила, – произнесла Франко, даже не стараясь сдержать ухмылку. Луиза же и вовсе улыбалась во всё лицо.

Бекки больше не могла терпеть. Она дёрнулась к двери, чтобы выйти из приюта, но директриса преградила ей путь.

– Ночью запрещено выходить на улицу, – грозно произнесла она, от ухмылки не осталось ни следа.

– Пустите! – рывкнула Бекки.

– Иди мети пол, – разделяя каждое слово, приказала Франко.

Бекки представила, как её отец отходит всё дальше и дальше, а потом и вовсе садится на корабль и уплывает в неизвестном направлении. Она не может этого допустить спустя пять

лет ожиданий! Бекки с силой толкнула Франко, и та бы упала, если бы её не поймала Луиза. Под всеобщий возглас удивления девушка открыла дверь и выскочила в ночь.

Бекки в ночи бежала по тропинке через пустырь. Это было поле с жёлтой травой, а единственная пыльная дорога вела к городу, а там совсем недалеко от порта. Тусклое пятно света, которое луна отбрасывала на землю, освещало путь. Но Бекки, казалось, могла бежать и в крошечной темноте, настолько ей хотелось увидеть отца.

Она добралась до конца поля и почти выбилась из сил. Горло саднило из-за пыли, дышать сделалось трудно. Но Бекки всё равно направилась в сторону порта. По маленьким городским улочкам она стала спускаться вниз, туда, откуда доносился запах соли и рыбы.

На набережной Бекки растерялась. Слишком много кораблей было пришвартовано, а людей ходило и того больше. И ни одного человека в камзоле она не встретила за весь свой путь. Ни отца, ни хотя бы какого-то знакомого из дворца. Лишь простолюдины в одежде, тем не менее, лучшей, чем у девочки из приюта.

Прямо на набережной Бекки едва не споткнулась о старуху, которая побиралась, сидя на коленях. В её морщинистой руке лежало всего две небольшие монеты. Эта старуха заставила её содрогнуться от отвращения.

Бекки ходила туда-сюда по набережной, пытаясь разглядеть в толпе знакомый силуэт. Читала названия кораблей, всматривалась в лица моряков. И вдруг её взяли за руку. Сначала Бекки взвизгнула, а потом увидела перед собой пожилого мужчину с бородавкой на носу, оторванными у рубахи рукавами и татуировкой-якорем на плече.

– Чего ищете, милая девушка? – спросил он пропитым голосом. – Я могу вам помочь?

Бекки не хотела с ним говорить, но, кто знает, может сама судьба подослала ей этого матроса?

– Я ищу мужчину в камзоле. Предположительно, у него пышная чёрная борода и прямая осанка, он широк в плечах. Он искал меня, девочку с веснушками и толстой длинной косой. Моё имя Ребекка.

Матрос задумался, а потом на его лице появилась уродливая наполовину беззубая улыбка.

– У нас на корабле есть мужчина в камзоле с чёрной бородой, он наш капитан. Мы не знаем, что он хочет, нам ничего о себе не рассказывал, но мы приплыли именно сюда сегодня вечером. Не хочешь сходить со мной на корабль?

– Пойдёмте! – без раздумий выпалила Бекки.

Где-то в глубине сознания промелькнула мысль, что её могут обманывать. Но желание увидеть отца, который её искал, стояло выше всего остального. Надежда затмевала разум, и из-за её проблеска казалось, что всё будет хорошо. Не лучше ли рискнуть, чем потом жалеть?

– Иди вперёд, – мягко проговорил мужчина. – Меня зовут Морис.

Бекки в сопровождении Мориса прошла до корабля с именем «Удача». Затем они взошли по трапу на пустую палубу. Бекки опасливо огляделась, почему-то ей сразу же захотелось убежать с этого судна. Внутреннее чутьё подсказывало, что тут нет её отца. Но она не успела развернуться, как Морис схватил её сзади и заткнул рот вонючей мозолистой рукой. Бекки попыталась закричать и начала размахивать ногами, чтобы ударить мужчину по колену, но всё было тщетно.

Морис с утрашающим смешком потащил Бекки к люку и сбросил её туда, как мешок. Бекки упала на твёрдый деревянный пол и застонала. Плечо пронзила такая боль, что слёзы брызнули из глаз. Морис спустился быстрее, чем Бекки успела подняться на ноги.

– Мужики, я нам девку привёл! – крикнул он. – Налетайте!

И он снова схватил Бекки. Из темноты стали выходить грязные полуголые матросы, некоторые были со шрамами на тёмных от грязи торсах, у некоторых на лицах растекались язвы.

Бекки почувствовала запах немытых мужских тел, и все они двигались в её сторону. Десяток матросов с голодными взглядами. Двое уже принялись расстёгивать ремни на портах. Бекки от ужаса забилась в руках Мориса, чувствуя себя птицей, которая рвётся, трепыхаясь крыльями и лапками. Из глаз брызнули слёзы беспомощности. Хотелось сразу умереть вместо того, чтобы попасть в лапы к этим грязным созданиям.

В приюте Пако собрал всю свою команду. Дек, Син, Тео, малыш Нико, Бернард, Мигель и Гойо выслушали рассказ друга о том, как Бекки толкнула Франко и сбежала. За ней тут же закрыли дверь, и директриса запретила кому-либо отправляться на поиски девчонки. Но Пако уже знал, что они все смогут сбежать через окно на первом этаже. Плевать на Франко, когда Бекки одна убежала в город. Скорее всего, в порт, ведь говорилось, что мужчина приплыл в Бельяду.

Не дожидаясь начала праздника, мальчишки поспешили к окну. Все выскочили быстро, кроме полненького Бернарда, которого пришлось тянуть с одной стороны и толкать с другой. После этого ребята помчались по тропинке под луной.

Бекки ударила первого подступившего мужика ногой в грудь. Тот взревел от ярости, схватил за волосы и грубо прижал к стене. Он называл её самыми низкими словами, а затем разорвал её рубашку, оставив в одной только длинной юбке. Бекки плакала и просила не трогать её, но мужик всё равно поднял её юбку. И в этот момент на палубе послышались крики. Затем в люк кто-то спрыгнул, а за ним ещё несколько человек. И они с воплями накинулись на мужиков.

Бекки ничего не понимала и почти не видела перед собой из-за слёз, заставших глаза. Но, когда оказалось, что её больше никто не держит, Бекки вытерла глаза и увидела, что с матросами бьются её друзья. Они схватили первые попавшиеся под руку предметы: ящики, балки, фонари, и стали ими бить растерявшихся мужиков. Бекки попыталась прикрыться обрывком ткани, ей тут же стало стыдно и за свою наготу, и за то, что оказалась в такой позорной ситуации.

В какой-то момент, когда матросы стали более уверенно отвечать на удары и уже полноценно вступили в драку, тоже вооружившись всем, до чего только смогли дотянуться, к Бекки подбежал Пако и схватил её на руки. Он подсадил её, чтобы было проще вылезти из люка на палубу, а затем забрался сам. Пока друзья бежали к трапу, остальные ребята тоже выскочили из трюма. Все вместе они сбежали вниз, а последние из них – близнецы – схватили трап и откинули его в сторону. Дальше вся команда смешалась с толпой. У переулка Бекки заметила, как Пако кинул старухе-попрошайке небольшой холщовый мешочек с завязочками.

На узкой тёмной безлюдной улочке они остановились. Все пытались отдышаться, опершись руками о колени. Только Пако подошёл к Бекки и положил ей руку на голое плечо. Положить руку на плечо – был их обычный знак поддержки, но в этот раз Бекки вывернулась и отошла назад. Она изо всех сил прижимала к груди рваную рубашку.

– Как хорошо, – пытаюсь отдышаться, проговорил Мигель, – что та старуха увидела и запомнила, что какой-то мужик увёл тебя на корабль.

– Я не могу представить, что было бы, если б мы не появились, – с неподдельным ужасом проговорил Бернард.

– Здорово, Пако, что ты кошель сорвал, но я бы, конечно, деньги нам забрал, – усмехнулся Дек.

– Мне не жалко, лишь бы с Бекки всё было хорошо, – ответил он и попытался снова подойти к ней.

Но Бекки вспомнила всё, что пережила несколько мгновений назад, и в горле встал ком. Ей казалось, что друзья смотрят на неё с презрением, как на падшую женщину. Это было не так,

но мерещилось, что друзья осуждают её. От их взглядов было физически больно. Не выдержав стыда, Бекки сорвалась с места и убежала. Напоследок услышала лишь далёкое: «Стой!»

Бекки бежала, как напуганное охотниками животное. Неслась, пока её не догнал в тупике Пако. Он вскинул руки, как если бы хотел успокоиться лошадь.

– Тихо, Бекки, успокойся. Всё хорошо, я с тобой.

– Мне так... мне так стыдно.

И она разрыдалась, стоя между домов. Там неприятно пахло: плесенью и мочой. Но зато не было людей.

– За что тебе стыдно, глупая? – с усмешкой спросил Пако. Он снял с себя рубашку, и Бекки, увидев его обнажённый торс, такой соблазнительный, совершенно не похожий на матросский, замерла. С одной стороны, её бросило в дрожь от страха и отвращения, но с другой – это был Пако, и видеть его было приятно.

– За то, что вы видели меня в таком... положении, – кое-как сумела проговорить она.

– Это не твоя вина, – тихонько произнёс Пако и набросил на неё свою рубашку. – Для нас главное, что мы тебя спасли. А теперь одевайся и пойдём гулять. Тебе нужно отвлечься.

Пако развернулся к Бекки спиной и заверил, что не смотрит. Она же очень быстро пыталась одеться, но из-за спешки ещё больше запутывалась.

Наконец, Бекки была одета. И Пако, взяв её под руку, повёл гулять по городу. Он знал Бельяду, как свои пять пальцев, потому что жил в ней всю жизнь с мамой, пока не попал в приют. После этого он видел только стены и небольшую площадку для игр и тренировок. И теперь всё в городе навевало воспоминания.

– Здесь мы с мамой покупали сладости, а сюда она ходила подшивать одежду, а тут я как-то раз нашёл щенка и привёл домой, но он всё равно умер через несколько дней, – возбуждённо рассказывал Пако.

Бекки и впрямь отвлеклась от переживаний. Для неё имели значения лишь рассказы Пако и его близость.

В Бельяде оказалось очень шумно. В Брессонии, на родине Бекки, никогда ничего не праздновали так грандиозно, а просто украшали улицы и тихо-мирно отмечали какое-нибудь торжество всей семьёй. Кастелья же проводила фестивали с размахом. Пако рассказывал, что у них каждый сезон как минимум по три фестиваля, и ему нравится каждый. Точнее, нравился, до того момента, как умерла его мама, и он оказался в приюте.

У ребят не было денег, но Пако знал места, где проходили бесплатные дегустации, и там он угостил Бекки сочными булочками и фруктами. Затем они оказались на площади, плотно забитой людьми. Пако указал пальцем на помост с краю.

– Смотри, обычно тут проводятся казни, а сейчас здесь танцы.

И он взял Бекки под руки. На площади было множество музыкантов, они играли такие мелодии, под которые ноги сами просились в пляс. Танцевали все, сталкиваясь друг с другом, хохоча и организовывая большие хоры в несколько кругов. Бекки ни на минуту не выпускала горячую ладонь Пако, и они то и дело смотрели в лица друг друга, улыбаясь широко и ярко.

Когда они запыхались, Пако отвёл Бекки к небольшой арке на тихой уютной улочке. Там было темно, однако света празднующего города хватало для того, чтобы видеть лица друг друга. Бекки облокотилась о холодную каменную стену и издала удовлетворённый вздох. Такой счастливой она давно себя не чувствовала. И даже не сразу заметила, как Пако нежно коснулся её руки и встал почти вплотную. Она смотрела в его глаза на опасном расстоянии и хотела это расстояние сократить ещё больше. Её окутывал запах Пако: от его рубашки и от полуобнажённого тела. То, что пугало до смерти Бекки на корабле, теперь было желанно, хоть и всё

равно страшно. Ей хотелось подпустить Пако ближе, но и пугало то, что подобное в их приюте запрещено.

Пако решился первым. Он поставил руки по обе стороны от лица Бекки, опёрся на них и приблизился совсем вплотную, прижавшись своей грудью к её груди. И поцеловал в губы. Бекки едва не задохнулась. Сначала поцелуй казался неловким и наивным. Но затем Бекки осмелилась положить дрожащие руки Пако на плечи и обнять его, прижав к себе сильнее. Тогда уже они стали целоваться страстно, любовно, возбуждающе. Они задыхались, тяжело глотали воздух, но не размыкали поцелуй ни на секунду. Бекки и не заметила, когда её руки стали гладить торс Пако, его тёплую кожу, под которыми чувствовались твёрдые мышцы. Но, когда Пако осмелился коснуться её груди, Бекки внезапно разорвала поцелуй и посмотрела на парня удивительно трезвым взглядом.

– Не будем, – покачала она головой. – Не надо, Пако. Нам вообще нельзя. Я боюсь, что не выдержу смотреть на тебя завтра и послезавтра и ещё три года без возможности снова поцеловать.

– Мы можем не ждать три года, а сбежать прямо сейчас, – тяжело дыша ей в шею, проговорил Пако.

– Сбежать... – Бекки, как будто о чём-то задумалась, а потом внезапно вскрикнула и оттолкнула Пако от себя. – Отец! Меня же искали! Боже, почему я не подумала об этом?

– У тебя было сильнейшее потрясение, – пожал плечами Пако. – Да и тем более, ты уверена, что хочешь вернуться в порт?

Бекки стояла, кусая губу в задумчивости. Как странно, что от испуга она забыла обо всём, и, чтобы прийти в себя, ей действительно пришлось отвлечься на сильные эмоции. Но теперь она наконец-то перестала чувствовать себя в тумане, в голове всё прояснилось.

– Я хочу, чтобы ты пошёл со мной, – проговорила она.

Они обошли весь порт, но так и не встретили ни отца Бекки, ни его посыльного. Иногда мимо них проходили мужчины в камзолах очень приличного вида, но, когда ребята пытались донести до них суть вопроса, те разворачивались и молча уходили.

В итоге отчаявшиеся Бекки и Пако вернулись на площадь. Народу было уже не так много, все расходились по домам. Музыка больше не играла, только иногда какой-нибудь пьяный бард лениво тренькал на своём инструменте.

Бекки ходила понурая, а Пако пытался поддерживать её хотя бы своим присутствием. И тут он увидел знакомого мужчину. Тот прихрамывал и держал за талию девушку в пышном платье.

– Эстебан, – в полголоса проговорил Пако.

Бекки, как будто оживилась.

– Давай проследим за ним? – спросил Пако.

– Нам делать больше нечего?

Они посмотрели друг на друга. Вообще, делать и в правду нечего. Они нырнули в переулок вслед за Эстебаном и женщиной.

Когда те остановились у дома, который плотно примыкал к соседним зданиям, Бекки и Пако затаились в тени напротив, там, где находился вход на другую улочку.

Женщина прижалась к Эстебану. В темноте было невозможно разглядеть её лицо, но оценить её фигурку друзья сумели. Незнакомка, одетая в платье с пышной юбкой в пол, изящно подчёркивавшее талию и грудь, была стройна. Длинные распущенные волосы кудрявыми локонами ниспадали вдоль спины. Движения женщины были плавные, она что-то говорила, и жестикнула, но не быстро, а словно в медленном танце. Иногда её бёдра покачивались из стороны в сторону, и вся она походила на ветку плакучей ивы, танцующей на ветру.

Потом послышался смех. И вдруг Эстебан притянул женщину за талию и поцеловал. При этом спина её красиво изогнулась, а его руки сначала гладили её волосы, а потом спустились ниже и легли туда, где начиналась юбка.

– Ого, – с придыханием сказал Пако.

– Я не знала, что у нашего Эстебана есть женщина, – призналась Бекки шёпотом.

Поцелуй всё не прекращался, и наоборот, становился жарче. А потом вдруг Эстебан сделал шаг вперёд, прижав женщину к стене и рукой поднял ей голову, а сам пылко впился в шею.

Бекки не осознала, как пискнула и тут же скрылась за угол. Она была смущена, щёки горели, а телу сделалось жарко. Ей хотелось забыть всё, что она только что увидела. Она посмотрела на Пако в надежде, что друг сейчас спрячется вслед за ней. Но он наоборот ещё больше вылез из укрытия. Из-за дома уже виднелась его нога и половина корпуса. Бекки гневно дёрнула его за предплечье.

– Фу, Пако! Как ты можешь подглядывать? А если бы на нас так смотрели?

Вдруг Пако сделал резкий шаг назад, в укрытие. Будто бы перестав дышать, он взглянул на Бекки.

– Чёрт, кажется, он заметил, – прошептал друг.

Они плотнее прижались к стене, будто это могло их спасти. И вдруг прямо перед ними возник Эстебан. Он остановился у входа в проулок и резко повернулся в их сторону. Как ему удалось пройти так бесшумно, осталось загадкой.

Бекки вскрикнула от страха и обхватила двумя руками руку Пако. Кажется, только в тот момент Эстебан понял, кто перед ним стоит. Он демонстративно сложил руки на груди и выставил одну ногу вперёд.

– А подглядывать нехорошо, – было первое, что он сказал. Шутливо-недовольным тоном.

Бекки и Пако смотрели на учителя, чувствуя себя нашалившими детьми. Хотя, по сути, так и было.

– Что вы здесь делаете? – уже чуть серьёзнее спросил Эстебан. – Пако, почему ты в таком виде? Твоя рубашка... Бекки!

Бекки покраснела. Ей было неловко перед Эстебаном за то, что увидела то, чего не должна была.

– Слишком много всего произошло за одну ночь, – тихонько ответила она.

– Ладно, – вздохнул учитель. – Идём за мной.

И он кивнул в ту сторону, где всего пару минут назад обнимался с женщиной. Бекки и Пако переглянулись. Друг пожал плечами и последовал за учителем. Бекки же всё пыталась отогнать от себя воспоминания об увиденном.

Женщины у входа больше не было, поэтому пришлось пройти прямо в здание. Над дверью Бекки увидела табличку: «Колдовская лавка».

Глава 7. Колдунья.

Друзья оказались в самой настоящей колдовской лавке. Внутри было темно, но очень уютно. Большую комнату освещала одна-единственная свеча в красивом витом посеребренном подсвечнике. Большой квадратный стол стоял у окна, задвинутого ставнями. На столе был полнейший кавардак, повсюду – множество странных предметов: всякие свитки, перевязанные лентами, бутылочки и склянки с ярко-жёлтыми и красными жидкостями, сушёные травы, либо связанные в небольшие венички, либо разбросанные по столу, словно их уже использовали для чего-то, серебряные чаши с изображением черепов, котелки и небольшие ступа, всякие обереги, похожие на паутинки, большая открытая книга с пожелтевшими и местами рваными страницами, и кинжал с изумительной узорчатой рукояткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.